

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ТАЙНЫ
ЖДАЛИ СВОЕГО ЧАСА

ДО НАС

— ТОМ ТРЕТИЙ —

ПОСЛЕДНИЙ СИГНАЛ

ЮРИЙ КАРМАЛИТА

ПОД ПАТАГОНИЕЙ ОНИ НАШЛИ ТО,
ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО СУЩЕСТВОВАТЬ

Юрий Кармалита

ДО НАС. ТОМ 3

<https://litres.ru/74420923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестьдесят пять миллионов лет корабль молчал под землёй Патагонии. Теперь он начинает рассказывать свою историю.

Экспедиция проникает в самое сердце древнего гиганта и получает доступ к архивам его создателей. Перед людьми оживает Земля мелового периода, раскрывается судьба внеземной научной экспедиции и причина катастрофы, остановившей её миссию.

Но главное открытие связано не с прошлым.

После миллионов лет тишины корабль принимает сигнал.

Не запись. Не эхо древней системы. Кто-то посылает его сейчас.

Кто находится на другой стороне? Уцелела ли цивилизация, создавшая корабль? И почему неизвестный отправитель знает, что древний ковчег снова проснулся?

«Последний сигнал» — заключительный том фантастического романа «До нас».

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
СЕРДЦЕ КОРАБЛЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	35
ПЕРВЫЕ ЛИЦА	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	67
ПРОТОКОЛ ВЫСАДКИ	67
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	115
БАЗА У ОЗЕРА	115
ГЛАВА ПЯТАЯ	144
ЛИЦА ДО ЧЕЛОВЕКА	144
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Юрий Кармалита

ДО НАС. ТОМ 3

ЮРИЙ КАРМАЛИТА

ДО НАС

ТОМ III

ПОСЛЕДНИЙ СИГНАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕРДЦЕ КОРАБЛЯ

Контур на стене не открылся сразу.

Он только обозначился.

Тонкой световой линией.

Почти невидимой на серебристой поверхности.

Будто Р-1 не спешил впускать их дальше.

Будто система проверяла не приборы.

Не костюмы.

Не оружие.

А сам факт их присутствия.

Лаура стояла ближе всех.

Перед ней в воздухе всё ещё висела голограмма корабля.

Огромная.

Прозрачная.

Разрезанная слоями.

Все маршруты, которые они прошли, светились внутри неё.

Челнок.

Первый проход.

Главный шлюз.

Центральный зал.

Вертикальная дорога.

Медицинский сектор.

Защитный сектор.

Биологический ковчег.

Водная среда.

Лес до человека.

И впереди — закрытая точка.

Верхняя передняя часть.

Место, где сходились линии.

София смотрела на показатели.

— Энергетический отклик растёт.

Мартин Ортега сделал шаг назад.

— Это хорошо или плохо?

— Это значит, что система фиксирует наше присутствие.

— То есть он нас слышит?

София посмотрела на него.

— Я бы так не формулировала.

— А я бы именно так и испугался.

Риверо поднял руку, останавливая движение группы.

— Никто не проходит, пока контур не стабилизируется.

Марк Стивенс смотрел на стену почти не мигая.

— Посмотрите.

Световая линия начала расходиться.

Не в стороны.

Вглубь.

Словно сама стена становилась толщей прозрачной материи.

Внутри неё проступили слои.

Один.

Второй.

Третий.

Потом поверхность медленно изменила состояние.

Не расплавилась.

Не сдвинулась.

Не открылась створками.

Материал не исчез.

Он перестроил собственную плотность.

В том месте, где ещё секунду назад была непроницаемая стена, возникла зона прохода.

Не дверь.

Управляемое состояние корпуса.

София тихо сказала:

— Материал меняет структуру.

Мартин выдохнул:

— Конечно. Почему бы двери просто не быть дверью?

Никто не ответил.

Перед ними возник высокий овальный проём.

Без рамы.

Без порога.

Без шва.

За ним была темнота.

Но не пустая.

В глубине что-то ждало.

Эстебан по связи говорил с помехами:

— Группа... подтвердите... визуальный контакт...

София усилила сигнал.

— Проход открыт. Мы у входа в предполагаемый управляющий сектор.

Ответ пришёл не сразу.

Шум.

Потом голос Эстебана:

— Вход только по команде Риверо. Без контакта с оборудованием. Без посадки в ложементы, если они будут. Без активации неизвестных систем.

Мартин тихо сказал:

— То есть всё как обычно: входим в сердце инопланетного корабля и ничего не трогаем.

Риверо повернулся к нему.

— Именно.

— Я просто уточнил масштаб абсурда.

Капитан сделал первый шаг.

Прошёл через проём.

Остановился.

Долго молчал.

Лаура почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Риверо?

Голос капитана прозвучал глухо.

— Заходите.

Пауза.

— Вы должны это увидеть.

Они вошли один за другим.

И сразу поняли:

это не мостик.

Не рубка.

Не командный пункт в человеческом смысле.

Перед ними был огромный круглый зал.

Идеально круглый.

Высокий.

Гладкий.

Без окон.

Без иллюминаторов.

Без панорамного стекла.

Без рядов приборов.

Без экранов, подвешенных к стенам.

Без кнопок.

Без рычагов.

Без штурвала.

Зал был пустым только в первый момент.

А потом глаза начали различать детали.

По кругу располагались ложементы.

Не кресла.

И не медицинские капсулы.

Что-то среднее.

Широкие наклонные конструкции, рассчитанные на существов почти трёхметрового роста.

Каждое место имело длинную опору для спины, боковые дуги, мягкие углубления для рук и ног, область для головы, окружённую тонкими полупрозрачными линиями.

Их было семь.

Шесть по кругу.

Одно чуть выше остальных.

Ближе к центральной оси.

Не случайно.

Семь мест выглядели не как пассажирские кресла.

И не как рабочие посты обычной команды.

Скорее как места тех, кто принимал решения.

Тех, кто видел больше остальных.

Тех, кто должен был управлять не отсеком.

А всем кораблём.

Все семь были пусты.

Как и всё на этом корабле.

Пустые кресла.

Пустые костюмы.

Пустые капсулы.

Пустые гнёзда челноков.

Пустые медицинские ложементы.

Пустые места тех, кто должен был вернуться.

Даже здесь.

Даже в самом центре управления.

Ни тел.

Ни следов борьбы.

Ни останков.

Ни одного прямого ответа на главный вопрос.

Марк медленно прошёл вперёд.

— Командный зал.

София покачала головой.

— Больше похоже на интерфейсный узел.

Мартин смотрел на ложементы.

— Они здесь лежали?

Доктор Варгас подошла к одному из мест, не касаясь его.

— Не лежали.

Риверо резко повернул голову.

— А что?

— Подключались.

— К чему?

Варгас посмотрела на тонкие дуги вокруг области головы и грудной клетки.

— К кораблю.

Тишина.

Мартин тихо сказал:

— Я надеялся, что кто-нибудь скажет что-то менее неприятное.

Лаура подошла ближе к центральной части зала.

В самом центре стояла структура, похожая на вертикальное ядро.

Не колонна.

Не прибор.

Не двигатель.

Сгусток прозрачных слоёв, вложенных один в другой.

Внутри него медленно двигались тонкие световые нити.

Они не вращались механически.

Они жили ритмом данных.

Центральное голографическое ядро.

София смотрела на него как человек, впервые увидевший язык, на котором написан целый мир.

— Это главный узел визуализации.

Марк тихо поправил:

— Или памяти.

Стены зала оставались тёмными.

Матовые.

Почти чёрными, хотя материал был тем же серебристым.

Будто внутренняя поверхность ждала сигнала, чтобы стать чем-то другим.

Лаура подняла голову.

Потолок терялся в мягкой темноте.

И вдруг она поняла, почему здесь нет окон.

— Им не нужны были окна, — сказала она.

Мартин повернулся.

— Что?

Лаура обвела взглядом круглый зал.

— Здесь нет наружного обзора. Нет панорамных экранов.

Нет кабины. Нет направления “вперёд”.

София посмотрела на ложементы.

— Потому что весь зал мог становиться экраном.

— Нет, — медленно произнесла Лаура.

Все посмотрели на неё.

Она сама не сразу поняла, откуда взялась уверенность.

— Не весь зал.

Она подняла взгляд на стены.

— Весь корабль.

Марк тихо сказал:

— Они не смотрели из корабля.

Лаура закончила:

— Они смотрели кораблём.

Эти слова изменили зал.

Не физически.

Но в сознании каждого.

Пилот здесь не сидел у окна.

Оператор не смотрел на приборы.

Он подключался к системе.

Видел сенсорами корабля.

Слышал его каналами.

Ощущал его корпусом.

Навигация была не взглядом наружу.

А расширением восприятия.

Человек в таком месте был бы пассажиром.

А они, возможно, становились частью машины.

Или машина — частью их.

Риверо первым нарушил тишину.

— Никто не ложится в эти места.

Мартин сразу поднял руку.

— Я поддерживаю это решение всем своим телом, которое не хочет становиться частью корабля.

София не отрывала взгляд от ядра.

— Для первичной активации, возможно, достаточно присутствия.

— Возможно? — переспросил Риверо.

— Мы в центре управления неизвестного корабля возрастом шестьдесят пять миллионов лет. Здесь всё возможно.

— Не помогает.

Доктор Варгас проверяла показатели.

— Биологической угрозы по воздуху нет. Активных микроорганизмов не фиксирую. Радиационный фон стабильный.

Марк подошёл к одному из ложементов.

Оно было намного больше человеческого тела.

Рост оператора — не меньше двух метров семидесяти.

Возможно, почти три.

Две руки.

Две ноги.

Торс.

Голова.

Пропорции снова были пугающе знакомыми.

Слишком знакомыми.

— Они действительно были похожи на нас, — произнёс Марк.

Мартин посмотрел на ложемент.

— Или мы на них.

Фраза прозвучала тихо.

Почти случайно.

И почти одновременно свет в центральном ядре усилился.

Никто не мог сказать, была ли это реакция на голос.

На биосигнатуры.

На присутствие Лауры.

На эмоциональный всплеск в группе.

Или просто совпадение с внутренним процессом активации.

Но все одновременно замерли.

Риверо поднял оружие, но не направил его ни на что конкретное.

— Назад.

Лаура не двинулась.

— Подождите.

— Лаура.

— Ядро активируется не из-за движения.

София смотрела на данные.

— Центральный узел выходит на новый уровень отклика.

— Причина?

— Не знаю.

— Это воспроизведение? Связь? Система управления?

— Пока не могу определить.

Риверо резко сказал:

— Мне не нравится “не могу определить”.

— Мне тоже, — ответила София.

Эстебан по связи прорвался сквозь шум:

— Лаура? Что происходит?

Она не ответила сразу.

Потому что смотрела на центральное ядро.

Световые нити внутри него стали собираться в форму.

Сначала хаотичную.

Потом сферическую.

Потом вокруг сферы появились тонкие линии.

Континенты.

Океаны.

Облака.

Не современная Земля.

Древняя.

Та, которую они уже видели в челноке.

Но теперь — намного яснее.

Огромная голографическая Земля поднялась из центрального ядра.

И вместе с ней ожил зал.

Стены перестали быть стенами.

Сначала на них появились отдельные точки света.

Потом — линии.

Потом изображение развернулось во все стороны.

Пол.

Потолок.

Круговая поверхность.

Всё стало экраном.

Нет.

Не экраном.

Пространством восприятия.

Команда стояла не перед картой.

Они стояли внутри неё.

Древняя Земля окружала их.

Материки вращались медленно.

Океаны сияли тёмно-синими глубинами.

Облака двигались над зелёными и коричневыми континентами.

На разных точках планеты вспыхивали маршруты.

Линии.

Дуги.

Кольца.

Места сбора.

Наземные переходы.

Воздушные вылеты.

Водные зоны.

Челноки.

Байки.

Большие транспортные маршруты.

Всё, что они видели по отдельности в биологическом комплексе, теперь стало частью единой карты экспедиции.

Марк стоял с открытым ртом.

Потом тихо сказал:

— Боже мой.

Мартин посмотрел на него.

— Профессор, я думаю, на данный момент даже это слишком маленькое выражение.

София пыталась фиксировать данные, но поток был слишком огромен.

— Это карта миссии.

Лаура смотрела на маршруты.

— Не просто карта.

— Тогда что?

— Дневник движения.

На поверхности древней Земли вспыхивали точки.

Некоторые в Южной Америке.

Некоторые у побережий.

Другие — в древних морях.

Ещё — далеко от Патагонии.

София начала накладывать данные на известные секции биокомплекса.

— Вот точки наземной фауны. Вот водные образцы. Вот растительные блоки. Вот воздушные маршруты.

Марк смотрел на карту почти с болью.

— Они облетели огромные территории.

— Да, — сказала София.

— Это была не краткая остановка.

— Нет.

Лаура тихо произнесла:

— Они жили здесь.

Все повернулись к ней.

Она продолжила:

— Не постоянно. Но достаточно долго. У них были маршруты, наземные группы, сбор, классификация, транспортировка. Это была полноценная экспедиция.

Мартин поднял голову к голографической Земле.

— Самая большая полевая экспедиция в истории.

Марк ответил:

— Не нашей истории.

— Уже нашей, профессор.

Эта фраза повисла в воздухе.

И никто не стал спорить.

На карте появилась первая наземная станция.

Та самая точка, которую они видели раньше.

В нескольких километрах от корабля.

София сразу выделила её.

— Первая наземная станция. Условно — База-1.

Эстебан по связи сказал:

— Подтвердите координаты.

— Совпадает с прежней точкой. Примерно тот же район, который челнок показывал ранее.

Мартин смотрел на голограмму.

— Значит, база действительно была.

Риверо внимательно изучал маршруты вокруг неё.

— Много наземных линий.

— Да, — ответила София. — Она была активной.

Марк сказал:

— Возможно, научная станция.

Лаура смотрела на отметки.

База-1 была связана с биологическим комплексом, ночными маршрутами, грузовыми линиями.

Всё логично.

Но потом она заметила вторую светящуюся точку.

Сначала подумала, что это часть маршрута.

Потом линия вокруг неё стабилизировалась.

Появился отдельный символ.

Похожий на первую наземную станцию.

Но не такой же.

Лаура нахмурилась.

— София.

— Вижу.

Голос Софии изменился.

Она быстро увеличила фрагмент карты.

Второй символ стал ярче.

На расстоянии от корабля.

Не рядом с первой базой.

Отдельно.

Дальше.

В другом направлении.

Риверо сразу спросил:

— Что это?

София молчала несколько секунд.

Потом сказала:

— Вторая наземная структура.

Мартин медленно повернулся к ней.

— Скажите, что это что-то маленькое.

— Не могу.

Эстебан по связи прорвался сквозь шум:

— Повторите.

София посмотрела на данные.

— На карте отмечены две стационарные наземные структуры. Первая — уже известная. Вторая находится дальше. Примерно в двадцати семи километрах от корабля.

Генерал Ибарра, подключённый к каналу, резко спросил:

— Двадцать семь?

— Приблизительно. Нужно уточнение по древнему ландшафту и современным координатам.

Мартин медленно произнёс:

— То есть всё это время у нас была не одна неизвестная база инопланетян.

Пауза.

— А две.

Марк смотрел на второй символ.

— Возможно, они разделяли функции.

Лаура спросила:

— Как?

— Первая могла быть научной или биологической станцией. Вторая — технической, наблюдательной, энергетической, посадочной. Мы не знаем.

Риверо сказал:

— Или эвакуационной.

Это слово заставило всех замолчать.

Эвакуационной.

Никто не хотел произносить такие слова слишком рано.

Потому что за ними сразу появлялись другие.

Опасность.

Авария.

Побег.

Последние часы.

Но карта пока показывала только факты.

Две наземные структуры.

Маршруты между ними.

Одна ближе к кораблю.

Другая дальше.

И линии, соединяющие вторую не только с Р-1, но и с несколькими удалёнными точками.

София увеличила изображение.

— Вторая структура связана с внешними маршрутами и, возможно, наблюдательными платформами.

Марк нахмурился.

— Наблюдательными?

— Символы похожи на сенсорные узлы.

Мартин тихо сказал:

— Они наблюдали за планетой.

Лаура поправила:

— За миром, который собирали.

Эстебан по связи сказал:

— Координаты второй структуры сохранить. Приоритет не менять. Никто не выходит за пределы текущего периметра без отдельного решения.

Генерал Ибарра сразу произнёс:

— Периметр двадцать километров. Если вторая структура в двадцати семи, она за пределом охраняемой зоны.

Тишина стала жёстче.

Президент Фернандес подключился:

— Расширение периметра будет рассмотрено немедленно. До этого информация о второй структуре остаётся в высшей категории секретности.

Мартин посмотрел на карту.

— Отлично. У нас появился второй объект, о котором нельзя говорить, потому что мы ещё не разобрались с первым гигантским объектом, о котором нельзя говорить.

Риверо сухо сказал:

— Записано.

Голографическая карта продолжала меняться.

Теперь они видели не просто точки.

Они видели жизнь экспедиции.

Челноки двигались между кораблём и базами.

Некоторые линии уходили к древним лесам.

Другие — к водным зонам.

Третьи — к местам сбора крупных животных.

На отдельных участках появлялись символы грузовых операций.

Там, где, возможно, поднимали тела гигантов.

Где брали фрагменты почвы.

Где загружали контейнеры.

Где фиксировали среду.

Доктор Варгас смотрела на это с выражением человека, который видит, как рождается новая наука.

— У них была вся планета как лаборатория.

Марк сказал:

— Не вся. Но достаточно большая её часть.

— Для них это был чужой мир.

— Да.

— И они относились к нему не как к добыче.

Марк повернулся к ней.

Она продолжила:

— Слишком аккуратно. Слишком системно. Они сохраняли контекст. Среду. Связи. Циклы.

Лаура смотрела на маршруты.

— Они хотели показать этот мир таким, каким он был.

Мартин тихо спросил:

— Кому?

Никто не ответил.

Но все подумали об одном и том же.

Тем, откуда они прилетели.

И тогда странная печаль снова вошла в зал.

Потому что если этот корабль должен был вернуться домой с меловой Землёй внутри, то где-то далеко могла быть цивилизация, которая никогда не увидела эту коллекцию.

Никогда не увидела гигантов суши.

Морских хищников.

Лес до человека.

Землю, собранную в прозрачных камерах.

И, возможно, никогда не узнала, что случилось с экспедицией.

Центральное ядро вдруг изменило режим.

Карта древней Земли уменьшилась.

Маршруты свернулись.

Перед командой появилась внутренняя схема самого корабля.

Сектор управления, где они находились, выделился ярким кольцом.

Затем от него потянулись линии к другим узлам.

Челночные гнёзда.

Неоткрытый грузовой контур.

Защитный сектор.

Биологический комплекс.

Медицинский сектор.

Две наземные структуры.

И ещё один блок, который раньше не отображался.

Он находился не внутри биологического комплекса.

Не в грузовой зоне.

Не в защитном секторе.

А глубже в самом управляющем секторе.

София прищурилась.

— Это что-то связанное с архивом.

Марк сразу повернулся.

— Архивом?

— Да. Символы данных. Записей. Хронологии.

Мартин посмотрел на центральное ядро.

— У них был чёрный ящик?

София покачала головой.

— Больше.

— Конечно больше.

Риверо сразу поднял руку.

— Стоп. Без активации архива.

Эстебан по связи сказал почти одновременно, с сильной задержкой:

— Не активировать без понимания.

София уже работала со сканером.

— Я ничего не активирую. Система сама выводит структуру.

Доктор Варгас спросила:

— Это воспроизведение или контакт?

София посмотрела на поток данных.

— Похоже на архивную структуру.

Риверо сказал:

— “Похоже” недостаточно.

— Тогда у нас нет достаточного слова, капитан.

Лаура подошла на шаг ближе к ядру.

Свет внутри него ответил.

Очень тихо.

Почти незаметно.

Но ответил.

На внутренней поверхности зала появились ряды символов.

Они шли по кругу, как волны.

Ни один человек не мог их прочесть.

Но структура была понятна.

Записи.

Последовательности.

Даты.

События.

Пакеты данных.

Видео?

Звук?

Сенсорные образы?

София почти не дышала.

— Это архив.

Эстебан по связи повторил:

— Не активировать.

Но сигнал шёл с задержкой.

Слишком поздно.

Команда услышала его уже после того, как система начала отвечать сама.

Лаура подняла руку.

Не касаясь ядра.

Просто остановила ладонь в воздухе.

— Я ничего не делаю.

Световые символы продолжали двигаться.

Марк тихо сказал:

— Возможно, достаточно того, что мы здесь.

— Или того, что она здесь, — добавил Мартин.

Риверо повернулся к Лауре.

— Отойдите.

Лаура хотела послушаться.

Но в этот момент на стене напротив вспыхнул первый прямоугольный контур.

Нет.

Не прямоугольный.

Галюэкрэн.

Огромная дуга света, развернувшаяся по внутренней по-

верхности круглого зала.

Потом вторая.

Третья.

Вся стена перед ними стала глубокой.

Как небо.

Как память.

Карта исчезла.

Зал потемнел.

Центральное ядро превратилось в источник мягкого белого света.

София прошептала:

— Визуальный архив активируется.

Риверо сделал шаг вперёд.

— Остановить можно?

— Я не знаю.

— Попробуйте.

София работала со сканером, но поток данных был слишком сложным.

— Это не наша команда. Система сама выбрала фрагмент.

Марк тихо спросил:

— Почему?

Лаура смотрела на галюэкрэн.

— Потому что мы дошли сюда.

Сначала был шум.

Не звук.

Скорее вибрация, проходящая через пол, стены и воздух.

Зал будто вспоминал, как звучать.

Потом появились изображения.

Неясные.

Размытые.

Световые пятна.

Символы.

Контуры.

Кадры сменялись слишком быстро.

Древняя Земля.

Поверхность.

Небо.

Силуэты растений.

Какая-то открытая площадка.

Высокие конструкции.

Возможно, база.

Первая или вторая — никто не успел понять.

Потом изображение дрогнуло и исчезло.

Осталась темнота.

Мартин прошептал:

— Это запись?

София ответила:

— Да.

— Настоящая?

— Да.

— А если это не запись?

Она не сразу ответила.

— Тогда я не знаю, что это.

Доктор Варгас стояла неподвижно.

Марк казался человеком, который боялся моргнуть.

Риверо держал оружие опущенным, но пальцы на рукояти были напряжены.

Лаура не могла отвести взгляд.

Галозэкран снова вспыхнул.

На нём появилось внутреннее помещение.

Не этот зал.

Другой.

Светлый.

Высокий.

В кадре что-то двигалось.

Силуэты.

Но изображение распадалось.

Система будто пыталась восстановить повреждённую память.

София говорила быстро:

— Фрагмент повреждён. Данные неполные. Идёт реконструкция.

И вдруг по залу прошёл звук.

Короткий.

Низкий.

Глубокий.

Совершенно чужой.

Не механический.

Не сигнал.

Не шум системы.

Голос.

Все замерли.

Даже дыхание стало слышно.

Звук повторился.

Теперь длиннее.

В нём была интонация.

Ритм.

Пауза.

Сложная внутренняя структура.

Никто не понял ни слова.

Но понимать слова было не нужно.

Мозг распознал главное раньше разума.

Это говорил кто-то.

Не корабль.

Не программа.

Не механизм.

Живое разумное существо.

Или запись живого разумного существа.

Марк медленно опустился на одно колено, даже не заметив этого.

Доктор Варгас закрыла рот рукой.

Мартин перестал шутить.

София смотрела на приборы, но глаза у неё были не на данных.

Риверо, впервые за всё время, выглядел не готовым стрелять.

Лаура стояла перед огромным галозэкраном и чувствовала, как по коже проходит холод.

Не от страха.

От понимания.

Снова прозвучала фраза.

Чужая.

Непонятная.

Глубокая.

И в этом звуке было что-то невозможное.

Не человеческое.

Но не бездушное.

Не наше.

Но разумное.

Эстебан по связи почти кричал сквозь помехи:

— Что происходит? Ответьте! Что у вас там?

Никто сразу не ответил.

Потому что все слушали.

Галозэкран медленно прояснялся.

На нём проступал силуэт.

Высокий.

Размытый.

Стоящий в центре какого-то помещения.

Слишком высокий для человека.

Слишком прямой.

Слишком похожий.

Но изображение ещё не стало чётким.

Лица не было видно.

Деталей не было видно.

Только контур.

Только голос.

Только присутствие того, кто когда-то стоял перед этой системой живым.

Голос прозвучал снова.

И зал, который был сердцем корабля, впервые за шестьдесят пять миллионов лет наполнился голосом своих создателей.

Никто не понял слов.

Но никто уже не сомневался.

Это был голос.

Первый голос другой цивилизации, дошедший до человека через шестьдесят пять миллионов лет тишины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ ЛИЦА

Голос звучал в темноте.

Чужой.

Глубокий.

Непонятный.

Но живой.

Не сигнал.

Не аварийный импульс.

Не шум древней машины.

Голос.

И это изменило всё.

До этого момента Р-1 отвечал светом, маршрутами, открывающимися проходами, голограммами, реакцией материала, безмолвными картами и сохранёнными чудесами.

Теперь он впервые дал им услышать тех, кто его построил.

Лаура стояла в центре круглого зала и не могла пошевелиться.

Галозэкрэн занимал почти всю внутреннюю поверхность стены.

Изображение было плохим.

Рванным.

Местами рассыпалось на полосы и световые пятна.

Система пыталась восстановить повреждённый архив, но время оставило на записи свои следы.

Шестьдесят пять миллионов лет.

Даже для этой цивилизации это было слишком долго.

Но голос держался.

Он звучал поверх изображения.

Спокойный.

Низкий.

Размеренный.

Будто кто-то комментировал происходящее.

Будто вёл протокол.

Будто объяснял тем, кто однажды должен был увидеть этот архив, что именно находится перед ними.

Мартин Ортега прошептал:

— Он говорит.

Никто не ответил.

Потому что это было очевидно.

И невозможно.

София Рохас смотрела на приборы, но её руки почти не двигались.

— Звуковая дорожка активна. Сигнал повреждён, но структура стабильная.

Риверо спросил:

— Это архивная запись?

София сверила поток данных.

— По структуре — да. Но зал воспроизводит её как полное сенсорное событие.

— То есть это не прямой контакт?

Она не ответила сразу.

— Данных за прямой контакт нет.

— Это не то же самое, что “нет”.

— Да, капитан.

Риверо сжал челюсти.

— Мне это не нравится.

Мартин тихо сказал:

— Если вам станет легче, мне здесь вообще ничего не нравится.

Марк Стивенс стоял чуть позади Лауры.

Его лицо изменилось.

В нём уже не было только учёного интереса.

Было что-то большее.

Почти страх перед величием момента.

— Это язык, — сказал он.

Доктор Варгас тихо спросила:

— Вы уверены?

Марк кивнул.

— Да. Повторы. Интонация. Ритм. Паузы.

Голос прозвучал снова.

Несколько длинных фраз.

Сложных.

Не похожих на человеческую речь.

Звуки были глубже, чем у человека.

В них было больше слоёв.

Некоторые элементы напоминали одновременное движение воздуха и вибрацию грудной клетки.

Некоторые — мягкие щелчки, слишком быстрые, чтобы повторить.

Но это не было рычанием.

Не было шумом.

Это была речь.

Риверо стоял с опущенным оружием.

Впервые его рука не искала угрозу.

Он слушал.

Как и все.

Эстебан пытался говорить по связи:

— Что у вас происходит? Лаура, ответьте. София, дайте картину.

София усилила канал.

— Включился архив. Мы слышим голос.

На линии повисла пауза.

Потом Эстебан тихо спросил:

— Чей?

София посмотрела на экран.

— Их.

Изображение на галозэкране начало проясняться.

Не до конца.

Сначала появились световые пятна.

Потом линии.

Потом тёмная поверхность, усеянная звёздами.

Зал словно исчез.

Стены стали космосом.

Не изображением космоса.

Ощущением присутствия.

Они стояли внутри памяти корабля.

Внутри архивного взгляда.

И впервые видели то, что когда-то видел он.

Где-то далеко в центре изображения возникла голубая точка.

Сначала маленькая.

Почти незаметная.

Потом она стала больше.

Голос продолжал говорить.

Спокойно.

Без тревоги.

Без спешки.

Будто это была плановая запись прибытия.

София смотрела на данные.

— Это внешний обзор.

Марк прошептал:

— Из космоса.

Лаура не могла отвести глаз.

Голубая точка росла.

Вокруг неё появился тонкий белый ореол.

Потом — тёмные пятна океанов.

Облака.

Континенты.

Но не те, что знало человечество.

Очертания были другими.

Береговые линии — чужими.

Южная Америка выглядела иначе.

Антарктида была не тем ледяным миром, к которому привыкли современные карты.

Океаны лежали иначе.

Планета была знакомой и незнакомой одновременно.

Земля.

Но не их Земля.

Древняя.

Меловая.

Живая.

Мартин тихо сказал:

— Мы смотрим на Землю до нас.

Марк ответил почти шёпотом:

— До всего нас.

Голос снова произнёс фразу.

На этот раз в ней послышалось что-то похожее на мягкое восхищение.

Или людям хотелось это услышать.

Лаура не знала.

Но ей показалось, что тот, кто говорил, смотрел на Землю так же, как они сейчас.

С удивлением.

С уважением.

С желанием приблизиться.

Галюэкран расширил изображение.

Планета заполнила весь зал.

Облака двигались над океанами.

Солнечный свет скользил по атмосфере.

Где-то вспыхивали бури.

Где-то блестели моря.

Земля сияла.

Не как объект исследования.

Как живая планета.

Доктор Варгас тихо сказала:

— Она прекрасна.

Никто не посмеялся.

Потому что это была правда.

На базе изображение уже дублировалось на главные экраны командного центра.

Эстебан стоял перед ними, забыв на несколько секунд, что должен руководить операцией.

Наварро молчал.

Он смотрел на древнюю Землю и, возможно, впервые до

конца понимал: это больше не находка компании, не объект разработки, не проект, который можно оформить документами.

Это было нечто, что принадлежало истории всего человечества.

Президент Фернандес не сказал ни слова.

Даже генерал Ибарра, обычно первым задававший вопрос об угрозе, сейчас смотрел на экран как человек, которому впервые показали не цель, а чужое чудо.

В защищённом зале правительственной связи никто не двигался.

Потому что человечество впервые видело Землю до человека не по реконструкции.

Не по костям.

Не по слоям породы.

А глазами тех, кто прилетел к ней из другой звёздной системы.

Архив изменил ракурс.

Теперь они видели не просто планету.

Они видели часть корпуса корабля.

Огромная серебристая поверхность уходила вниз и в стороны.

Без иллюминаторов.

Без привычных двигателей.

Без антенн.

Камера — если это вообще была камера — смотрела не из окна.

Она смотрела через корпус.

Через сенсоры.

Через сам корабль.

Марк медленно произнёс:

— Вот что мы поняли в прошлый раз.

Мартин повернулся к нему.

— Что?

— Они не смотрели из корабля.

Лаура закончила:

— Они смотрели кораблём.

И теперь это было не предположение.

Они видели именно так.

Сенсорное поле Р-1 обнимало пространство со всех сторон.

Изображение не было ограничено одной точкой обзора.

Оно меняло углы без поворота.

Показывало планету сразу с нескольких направлений.

Выделяло атмосферу, магнитные линии, облачные структуры, тепловые зоны.

Человеческий глаз никогда не видел так.

Это был взгляд не пилота.

И не обычной камеры.

Это был взгляд гигантской системы из металла, сенсоров

и света.

София сказала:

— Запись не с одной камеры. Это составное сенсорное восприятие.

Риверо нахмурился.

— То есть это видел корабль.

— Да.

— А кто говорил?

София посмотрела на звуковую дорожку.

— Возможно, оператор.

Мартин тихо сказал:

— Пилот.

Марк покачал головой.

— Не просто пилот.

— А кто?

Лаура смотрела на приближающуюся Землю.

— Тот, кто был подключён к кораблю.

В зале снова стало тихо.

Они слушали голос существа, которое, возможно, когда-то находилось в одном из этих огромных ложементов и смотрело на Землю не глазами.

А всем кораблём.

R-1 приближался к планете.

Изображение стало насыщеннее.

Атмосфера поднялась перед ними голубой дугой.

Верхние слои облаков начали закрывать обзор.

Потом сенсорное изображение разделилось.

Одна часть показывала внешний вид.

Другая — тепловые потоки.

Третья — рельеф поверхности.

Четвёртая — маршруты снижения.

София пыталась сохранить все каналы, но их было слишком много.

— Это посадочная запись.

Эстебан по связи молчал.

На этот раз не потому, что связь пропала.

А потому, что слушал вместе со всеми.

Древняя Земля приближалась.

И человечество смотрело на собственную планету глазами тех, кто прилетел к ней задолго до человека.

Корабль вошёл в атмосферу.

Не было огненного шара.

Не было тряски.

Не было пламени.

Вокруг корпуса возникло тонкое сияющее поле.

Облака расходились мягко, словно не ударялись о корабль, а обтекали его по заранее созданной форме.

Голос продолжал говорить.

Теперь его темп изменился.

Фразы стали короче.

Чётче.

Возможно, он комментировал снижение.

Возможно, отмечал параметры.

Возможно, говорил с теми, кто находился рядом.

Изображение на мгновение дрогнуло.

Потом стало чистым.

Под ними раскрылась Земля.

Сначала океан.

Бесконечный.

Глубокий.

Тёмно-синий.

С белыми линиями волн.

Потом берег.

Древний.

Иной.

Не похожий на современный.

Светлые полосы песка.

Зелёные массы растительности.

Широкие речные системы.

Болота.

Озёра.

Поймы.

Туман над низинами.

Корабль шёл высоко.

Но изображение было настолько ясным, будто они летели совсем рядом с землёй.

Сенсоры выделяли жизнь.

Огромные участки растительности.

Движение крупных животных вниз.

Тепловые следы.

Крылатые формы в небе.

Водные существа у побережья.

Марк почти не дышал.

— Патагония...

Лаура посмотрела на него.

— Древняя?

Он кивнул.

— Да. Южная часть континента. Но совсем другая.

Совсем другая.

Там, где в их времени лежали сухие ветра, степи, камни и холодная пустота, сейчас простиралась зелёная древняя земля.

Не такая, как современный тропический лес.

Иная.

Более открытая в одних местах.

Густая в других.

Огромные папоротники.

Хвойные.

Саговники.

Реки, блестящие под солнцем.

Влажные низины.

Тёмные участки леса.

Поля растительности, где двигались гигантские тени.

Корабль снижался.

И с каждым мгновением древний мир становился ближе.
Мартин сказал очень тихо:
— Мы раскопали корабль в пустой земле.
Он смотрел на зелёный мир под ними.
— А в его архиве она такая.
Никто не ответил.
Потому что эта мысль была слишком сильной.
Снаружи их времени — холодная Патагония.
В записи корабля — зелёная, влажная, живая Патагония
мелового периода.
Мир, который исчез.
Но был сохранён.

Кадр изменился.

Теперь они летели ниже.

Гигантский корабль двигался над древними лесами.

Его тень проходила по кронам.

В небе мелькали птерозавры и другие крылатые формы
мелового мира.

Некоторые поднимались с деревьев и скалистых выступов,
уходя в сторону от огромной серебристой массы.

Некоторые кружили на расстоянии.

Не понимая, что видят.

Внизу, в просветах леса, двигались крупные животные.

Длинношеие гиганты медленно шли среди растительно-

сти.

Их спины поднимались над зелёными массивами.
Маленькие стада травоядных разбегались к воде.
Где-то у реки на мгновение мелькнул хищник.
Слишком быстро, чтобы определить вид.

Марк сдавленно сказал:

— Они видели их живыми.

Варгас ответила:

— Да.

На записи двигался гигантский титанозавр.
Возможно, родственная патаготитанам форма.
Но не за стеклом.

Не в прозрачной среде.
Не как сохранённый экспонат.
Живой.

Настоящий.

Медленно переставляющий ноги по влажной земле.
Длинная шея уходила вверх, к верхушкам деревьев.
Хвост скользил над папоротниками.
Каждый шаг оставлял след.

Лаура почувствовала, как у неё защипало глаза.
Она не ожидала такой реакции.
Страх прошёл.

Осталось что-то другое.

Грусть.

Восторг.

Боль от того, что этот мир был настоящим.

И что он исчез.

Голос на записи произнёс несколько фраз.

Мягко.

Почти спокойно.

Марк тихо сказал:

— Если бы я не знал, что это невозможно, я бы сказал, что он восхищается.

Лаура ответила:

— Может быть, это возможно.

Марк посмотрел на неё.

Она не отвела взгляда от древнего леса.

— Почему они не могли восхищаться?

Никто не возразил.

Посадочная зона появилась не сразу.

Корабль долго скользил над ландшафтом, выбирая место.

На голографической карте вокруг них загорелись контуры рельефа.

Системы анализировали грунт.

Влажность.

Растительность.

Подземные структуры.

Риски.

Доступ к воде.

Плоскость посадки.

Маршруты выхода.

Возможность развернуть наземную базу.

София сказала:

— Он выбирал место для долгой работы.

Риверо кивнул.

— Не аварийная посадка.

— Нет, — сказала София. — Контролируемая. Плановая.

Мартин посмотрел на неё.

— Значит, когда они прилетели, всё было нормально.

— Похоже.

Эти слова прозвучали почти страшнее аварии.

Если всё началось нормально, значит, катастрофа пришла позже.

Не при входе в атмосферу.

Не при посадке.

Не в первые минуты.

Позже.

Но сейчас архив показывал не катастрофу.

Он показывал начало.

Прибытие.

Первую посадку.

Место выбрали на широкой древней равнине среди лесов и низких холмов.

Рядом текла река.

Широкая.

Мутно-зелёная.

С извилистыми берегами.

Вдали поднимались тёмные массивы растительности.

Между деревьями лежали открытые участки, покрытые папоротниками и низкими растениями.

Солнце висело высоко.

Воздух казался влажным даже через запись.

Облака медленно двигались над древней Патагонией.

Корабль начал снижаться.

Приземление было невероятно тихим.

На записи не было громового удара.

Не было разрушительной волны.

Не было огня.

Гигантский корабль длиной три километра опускался над лесом так, будто сам воздух держал его.

Под ним появилось широкое поле света.

Не луч.

Не двигатель.

Стабилизирующее поле.

Кроны деревьев начали медленно пригибаться.

Вода в ближайших лужах пошла кругами.

Пыль, листья и лёгкие ветви поднялись вверх, зависли на мгновение, затем мягко разошлись в стороны.

Животные внизу бежали.

Стадо небольших динозавров бросилось к лесу.

Длинношеие гиганты поворачивали головы, не понимая, что закрывает солнце.

Птерозавры взлетали с криками, но звук окружающего

мира был приглушён голосом оператора.

Корабль опускался всё ниже.

Его тень накрыла древнюю землю.

София прошептала:

— Три километра.

Мартин ответил так же тихо:

— И он садится мягче, чем наш вертолёт.

Никто не улыбнулся.

Под кораблём грунт начал изменяться.

Не взрываться.

Не превращаться в кратер.

Уплотняться.

Стабилизирующее поле выравнивало поверхность.

Деревья в центральной зоне словно прижимались к земле
или уходили в стороны под воздействием невидимой силы.

Некоторые ломались.

Некоторые вырывались с корнем.

Почва темнела.

Растительность сгибалась.

И всё же это не было хаотичным разрушением.

Корабль формировал посадочную площадку.

Аккуратно.

Расчётливо.

Стараясь минимизировать ущерб.

Но не исчезая из мира.

Не оставаясь невидимым.

Даже осторожное прибытие такой массы было вмешательством.

Древняя Земля почувствовала их приход.

Марк смотрел на это с потрясением.

— Они не падали.

— Нет, — сказала Лаура.

— Они пришли.

Корабль коснулся земли.

Если такое слово вообще подходило.

Сначала световое поле стало ярче.

Потом серебристый корпус медленно опустился на сформированную поверхность.

Несколько внешних опор — тех, которых на раскопанном корабле они почти не замечали, потому что материал давно изменил конфигурацию, — мягко вошли в контакт с грунтом.

Почва дрогнула.

Река рядом пошла широкими волнами.

Стая крылатых существ поднялась над лесом.

И всё.

Гигант прибыл.

Не как захватчик.

Не как оружие.

Не как падающая катастрофа.

Как экспедиция.

Древняя Земля приняла корабль.

Или, по крайней мере, выдержала его первое прикосновение.

Архив продолжал воспроизведение.

Теперь изображение показывало поверхность уже с точки зрения корабля, стоящего на земле.

Перед ними была древняя Патагония.

Широкая.

Зелёная.

Влажная.

Солнечная.

Мир до человека.

Листья блестели после недавнего дождя.

Пар поднимался от тёплой земли.

В воздухе кружили насекомые.

Вдалеке ревело какое-то крупное животное.

Река двигалась медленно и тяжело.

Над ней летали птерозавры.

На дальнем краю поляны стояли длинношеие гиганты, неподвижно глядя на серебристую гору, которая только что опустилась с неба.

Их не было видно ясно, но силуэты были величественными.

Медленными.

Живыми.

Доктор Варгас тихо сказала:

— Теперь я понимаю, почему они захотели это сохранить.

Марк ответил:

— Да.

Мартин смотрел на древний лес.

— Я тоже.

В этой сцене не было ужаса.

Не было опасности.

Была красота.

Такая огромная, что становилось больно.

Потому что все знали: этого больше нет.

Ни этого леса.

Ни этой реки.

Ни этих животных.

Ни этого первого утра после посадки.

Осталась только запись.

И корабль, который её сохранил.

Голос оператора изменился.

Он стал ближе.

Чётче.

Словно запись перешла на внутренний канал.

Галозэкрэн разделился на несколько слоёв.

Внешний обзор древней Патагонии оставался по кругу.

А в центре появился вид изнутри корабля.

Коридор.

Высокий.

Светлый.

С гладкими стенами.

Пока пустой.

Потом кадр сменился.

Шлюзовая камера.

Огромная.

Такая же, как та, через которую люди теперь входили в корабль.

Но новая.

Рабочая.

Без пыли.

Без следов времени.

На стенах двигались световые линии.

Система готовила первый выход.

Риверо выпрямился.

— Это внутренний шлюз.

София быстро сверила структуру.

— Похоже на экипажный выход. Возможно, тот же сектор, который мы открыли.

Лаура почувствовала холод внутри.

Они стояли в центре управления и смотрели на тот момент, когда этот корабль впервые открылся Земле.

Не современной Земле.

Древней.

Шестьдесят пять миллионов лет назад.

Голос звучал поверх изображения.

Теперь он говорил не один.

На записи появились другие голоса.

Тише.

Отдалённое.

Ответы.

Короткие фразы.

Команда замерла.

Мартин прошептал:

— Их несколько.

София кивнула.

— Да. Множественные голосовые дорожки.

Марк почти не дышал.

— Экипаж.

На галюэкрane шлюзовая камера освещалась всё ярче.

Перед внешней дверью стояли высокие тёмные силуэты.

Сначала изображение было размытым.

Система будто не могла сразу восстановить детали.

Или архив был повреждён именно в этом месте.

Они видели только движение.

Фигуры.

Две.

Потом третья.

Потом ещё.

Высокие.

Прямые.

В защитных костюмах.

Трудно было понять, где заканчивается тело и где начинается внешний слой снаряжения.

И всё же даже сквозь плохое изображение стало ясно: они были не чудовищами.

Не насекомыми.

Не существами с множеством конечностей.

Не тем, что человеческий разум ожидал от абсолютной чуждости.

Две ноги.

Две руки.

Голова.

Плечи.

Торс.

Пропорции почти человеческие.

Но выше.

Значительно выше.

Слишком высокие для людей.

Лаура замерла.

Марк тихо произнёс:

— Господи...

Мартин не сказал ничего.

Даже он не смог.

Внешняя дверь шлюза начала открываться.

Не так, как для людей миллионы лет спустя.

Быстрее.

Увереннее.

Без задержки.

Свет древнего дня вошёл внутрь корабля.

Сначала узкой полосой.

Потом широким сиянием.

За дверью был лес.

Папоротники.

Влажный воздух.

Солнечная пыль.

Древняя Патагония.

Фигуры у двери двинулись.

Они готовились выйти.

Один из них стоял впереди.

Самый высокий.

Или просто ближе к источнику записи.

Рост — не меньше двух метров семидесяти.

Может быть, больше.

Костюм облегал тело, но не скрывал полностью пропорций.

Плечи.

Руки.

Кисти.

Пальцы.

Движения.

Спокойные.

Уверенные.

Почти человеческие.

Только медленнее.

Плавнее.

Словно их тела были немного иначе устроены.

Второй проверял устройство на предплечье.

Третий повернул голову к внешнему свету.

На секунду изображение стало чуть яснее.

Сначала — плечи.

Потом — вытянутая линия шеи.

Потом — контур головы под прозрачным защитным слоем.

И только после этого все поняли, что видят не маску.

Не шлем без лица.

Не безликую поверхность.

Лицо.

Не чёткое.

Не достаточно ясное, чтобы рассмотреть черты.

Но достаточное, чтобы понять главное.

Это было лицо.

Высокое.

Узкое.

Почти человеческое.

И от этого страшнее любого чудовища.

Доктор Варгас прошептала:

— Они похожи на нас.

Марк не ответил сразу.

Он смотрел на экран так, словно боялся собственной мыс-

ли.

Потом сказал:

— Мы пока не знаем, что означает это сходство.

Мартин тихо спросил:

— А вы думаете, оно что-то означает?

Марк продолжал смотреть на фигуры.

— Я думаю, что после сегодняшнего дня мы больше не имеем права считать человеческую форму единственным объяснением самой себя.

Эта фраза прозвучала тише, чем крик.

Но ударила сильнее.

Она ничего не доказывала.

Не объясняла.

Не давала ответа.

Только открывала пропасть нового вопроса.

Почему они так похожи?

И что это значит?

Запись дрогнула.

Голос первого оператора прозвучал снова.

Теперь он был ближе к изображению.

Возможно, говорил один из тех, кто стоял у двери.

Возможно, командир выхода.

Возможно, тот, кто вёл протокол первой высадки.

Фраза была длинной.

Мягкой.

Торжественной.

Никто не понимал слов.

Но все чувствовали момент.

Они готовились сделать первый шаг на древнюю Землю.

Не для войны.

Не для бегства.

Не для спасения.

Для исследования.

Для встречи с миром, которого они никогда раньше не видели.

София тихо сказала:

— Запись стабилизируется.

Риверо смотрел на фигуры.

— Сколько их?

— В кадре минимум пять.

Мартин наконец нашёл голос.

— Пять существ, которые шестьдесят пять миллионов лет назад вышли из этого корабля в Патагонии.

Он сам услышал свои слова и замолчал.

Потому что они звучали безумно.

И были правдой.

На базе никто тоже не говорил.

Президент Фернандес стоял перед экраном, положив ладони на край стола.

Наварро смотрел на фигуры так, будто увидел не пришельцев, а хозяев всех вопросов, которые он пытался решить как земной человек бизнеса.

Генерал Ибарра впервые не спрашивал о периметре, оружии или риске.

Он смотрел на высокие силуэты в древнем шлюзе и, возможно, понимал: если это враг, он слишком стар для привычных слов; если это не враг, человечество всё равно ещё не готово к такой встрече.

Эстебан не сводил глаз с Лауры на отдельном мониторе.

Он видел, как она стоит перед архивом.

Как смотрит на тех, кто когда-то стоял там, где сейчас стояли они.

И впервые за всё время Эстебан не знал, от чего ему страшнее:

от того, что они нашли другую цивилизацию,
или от того, что она оказалась слишком похожей, чтобы спрятаться за словом “чужая”.

Лаура сделала шаг ближе к экрану.

Ей хотелось рассмотреть их.

Лица.

Движения.

Руки.

Глаза.

Но изображение держало дистанцию.

Словно архив давал им только первое знакомство.

Не больше.

Не всю правду.

Пока.

Внешняя дверь раскрылась полностью.

Свет древнего мира залил шлюз.

Первый высокий силуэт поднял руку.

Не жест приветствия.

Скорее сигнал остальным.

Потом сделал шаг вперёд.

К границе корабля и Земли.

К лесу до человека.

К планете, которую они собирались изучать.

За его спиной стояли другие.

Высокие.

Прямые.

Почти как люди.

Только больше.

И старше человеческой истории на шестьдесят пять миллионов лет.

Голос прозвучал ещё раз.

Чужой.

Непонятный.

Но теперь уже не безликий.

Потому что у него появилось тело.

Силуэт.

Рука.

Лицо.

Запись остановилась на мгновение.

Не выключилась.

Просто зависла.

Первый инопланетянин стоял на пороге корабля, готовясь выйти в древнюю Патагонию.

А люди в сердце корабля смотрели на него из будущего, которого он никогда не мог представить.

Лаура не заметила, как прошептала:

— Вот они.

Никто не поправил её.

Никто не сказал ни слова.

Потому что впервые за всё время они увидели не машины.

Не костюмы.

Не пустые капсулы.

Не следы.

Они увидели тех, кто прилетел к Земле.

Тех, кто собрал её древний мир.

Тех, кто собирался уйти.

И не ушёл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОТОКОЛ ВЫСАДКИ

Запись не выключилась.

Она замерла.

Первый высокий силуэт стоял на пороге корабля, готовясь выйти в древнюю Патагонию.

За ним — ещё несколько фигур.

Почти человеческих.

Слишком высоких.

Слишком прямых.

Слишком реальных.

Свет древнего дня заливал шлюз.

За дверью виднелся лес.

Папоротники.

Влажный воздух.

Пар над землёй.

Далёкая река.

И дальше, за полосой зелени, — блеск широкого древнего водоёма.

Мир до человека.

Лаура стояла в центре управления и боялась пошевелить-

ся.

Она боялась, что любое движение разрушит момент.

Что запись исчезнет.

Что этот первый взгляд на тех, кто прилетел к Земле шестьдесят пять миллионов лет назад, снова станет тишиной.

Марк Стивенс молчал.

Доктор Варгас молчала.

София Рохас смотрела на данные, но не произносила ни слова.

Даже Мартин Ортега, который обычно спасался от страха шутками, стоял неподвижно.

На галеекране высокий силуэт у открытой двери был почти виден.

Почти.

Именно это было мучительнее всего.

Изображение повреждалось в области лица.

Свет от древнего солнца отражался от прозрачного защитного контура вокруг головы.

Система архива пыталась восстановить детали, но контур распадался на световые пятна.

Черты угадывались.

Но не открывались.

Глаза — возможно.

Лоб.

Скулы.

Подбородок.

Но всё ещё недостаточно.

Будто архив показывал их не сразу.

Будто даже память требовала осторожности.

Голос снова прозвучал в зале.

Чужой.

Низкий.

Сложный.

Фраза длилась несколько секунд.

Потом другой голос ответил.

Тише.

Выше.

Но такой же чужой.

София наконец заговорила:

— У нас несколько говорящих.

Эстебан Альварес по связи спросил:

— Сколько?

Связь всё ещё шла с помехами, но теперь ретрансляторы держали канал лучше.

— Минимум три голосовых источника, — ответила София. — Один основной. Возможно, оператор записи или командир группы. Два дополнительных — короткие ответы.

Президент Фернандес, подключённый из командного центра, произнёс почти шёпотом:

— Можно перевести?

София не ответила сразу.

Она смотрела на спектр звуков.

Линии были сложными.

Непривычными.

Некоторые частоты находились ниже обычного человеческого диапазона речи.

Другие накладывались поверх основной фразы как дополнительные слои смысла.

— Нет, — сказала она наконец. — Пока нет.

Мартин тихо спросил:

— Совсем?

— Мы даже не знаем, где заканчивается слово и начинается следующее.

Марк добавил:

— У нас нет словаря. Нет повторяющихся контекстов. Нет опорных значений.

Варгас смотрела на галюэкрэн.

— Но это точно язык?

Марк повернулся к ней.

— Да.

— Почему?

— Потому что хаос так не звучит.

Голос на записи произнёс ещё одну фразу.

Ровную.

Спокойную.

С паузой в конце.

Марк продолжил:

— Есть структура. Интонация. Ответы. Очерёдность. Это речь.

Риверо спросил:

— А если это команды системе?

София сказала:

— Возможно. Но команды тоже являются языком.

Мартин посмотрел на огромный зал.

— То есть мы слышим разговор, который не можем понять.

Марк тихо ответил:

— Пока.

Слово прозвучало осторожно.

Но оно было важно.

Пока.

Запись продолжилась.

Высокий силуэт у двери не вышел.

Вместо этого он сделал небольшой жест рукой.

Не приветствие.

Не знак для камеры.

Команда сразу увидела: это был сигнал.

Свет в шлюзовой камере изменился.

У внешнего проёма по бокам открылись две ниши.

Из них вышли машины.

Первыми — двуногие защитные платформы.

Те самые машины, которые люди уже видели в защитном секторе.

Но сейчас они были не мёртвыми экспонатами.

Не пустыми оболочками в нишах.

Они двигались.

Высокие.

Гладкие.

Четырёхметровые.

С длинными ногами, мощным корпусом и головой-сенсорным блоком без лица.

Они выходили из корабля одна за другой.

Медленно.

Точно.

Без суеты.

Первая шагнула на землю.

И в этот момент Лаура вдруг поняла странную вещь: первыми земли коснулись не пришельцы.

А их машины.

Первые ноги другой цивилизации, ступившие на древнюю Землю, были не живыми.

Они были защитными.

Расчётливыми.

Созданными для того, чтобы проверить мир до того, как в него войдут те, кто мог умереть.

Древняя почва слегка продавилась под стопой платформы.

Вокруг опоры вспыхнул тонкий световой контур.
Система распределила вес.
Платформа не провалилась.
Не оставила грубого следа.
Она будто проверила саму землю перед тем, как принять её.

Вторая защитная платформа вышла следом.
Потом третья.
Потом четвёртая.
Они не поднимали оружие.
Не атаковали.
Не угрожали.
Они расходились веером по краю посадочной зоны.
Каждая занимала позицию.
Поворачивала сенсорный блок.
Сканировала лес.
Небо.
Реку.
Дальний водоём.
Заросли по его берегам.
Риверо напряжённо смотрел на запись.
— Периметр.
София кивнула.
— Да. Они разворачивают защитный контур.
Генерал Ибарра на связи сказал:
— Боевые роботы выходят первыми.

Марк тихо ответил:

— Защитные.

— Это одно и то же, профессор.

— Нет.

Марк не отвёл взгляда от экрана.

— Здесь это важно.

Риверо поддержал его неожиданно спокойно:

— Они не наступают. Они охраняют выход.

Генерал промолчал.

На записи защитные платформы продолжали расходиться по зоне.

Одна направилась к реке.

Другая — к краю леса.

Третья подняла сенсорный блок вверх, отслеживая летающих существ.

Четвёртая осталась ближе к шлюзу.

Её корпус повернулся так, чтобы закрывать выходящих из корабля.

Мартин сказал:

— Они выпускают охрану до экипажа.

— Разумно, — ответил Риверо.

— Да, капитан. Вот что меня и пугает. Всё это слишком разумно.

Затем появились байки.

Не те два, что команда нашла в челноке.

И не совсем те усиленные защитные модификации, кото-

рые стояли в защитном секторе.

Эти были рабочими.

Полевыми.

Но явно усиленными.

Они выехали из бокового шлюзового канала без колёс.

Скользнули над поверхностью пола.

Потом пересекли границу корабля и зависли уже над древней землёй.

Вокруг каждого сразу раскрылась прозрачная защитная аура.

Тонкая.

Почти невидимая.

Как стеклянный кокон, но шире.

Поле охватывало не только сам аппарат, но и пространство вокруг будущего водителя.

Внутри ауры воздух слегка мерцал.

Пыль и мелкие частицы, поднятые посадкой корабля, обигали поле, не касаясь корпуса.

Первый байк сделал медленный круг перед шлюзом.

Второй поднялся выше.

Третий ушёл вправо, к границе леса.

Четвёртый завис над открытой площадкой.

Они двигались без звука.

Без выхлопа.

Без потока воздуха.

Только световой след на мгновение оставался за ними и

исчезал.

Лаура смотрела на них почти с болью узнавания.

Она вспомнила свой первый полёт.

Защитное поле вокруг тела.

Тишину.

Ощущение, что байк не столько несёт тебя, сколько понимает направление раньше, чем ты успеваешь подумать.

— Они использовали их сразу после посадки, — сказала она.

София подтвердила:

— Разведка периметра. Быстрое перемещение. Возможно, воздушное наблюдение на малой высоте.

Мартин покачал головой.

— Они высаживаются на новую планету и первым делом выпускают защитные платформы и летающие байки.

Риверо сказал:

— Стандартная процедура для неизвестной среды.

Мартин посмотрел на него.

— Мне не нравится, что вы говорите это так, будто у вас есть опыт высадки на меловую Землю.

— Протокол есть протокол.

На экране один из байков развернулся прямо перед внешним обзором.

Поле вокруг него стало заметнее.

Внутри на мгновение появились линии — возможно, силовая структура.

Она напоминала невидимый щит, который в обычном состоянии человек мог заметить только по искажению света.

Доктор Варгас сказала:

— Защитное поле не только от ударов.

— Почему? — спросила Лаура.

— Оно может фильтровать воздух. Споры. Пыльцу. Микроорганизмы.

Марк медленно кивнул.

— Они не знали, что безопасно.

— Да, — сказала Варгас. — И действовали осторожно.

Это было важно.

Очень важно.

Они не выходили на Землю как хозяева.

Они выходили как исследователи на чужую планету.

И боялись её так же, как люди боялись их корабля.

После защитных платформ и байков началась техника.

Сначала из широкого грузового проёма выехали низкие платформы.

Широкие.

Без колёс.

Они шли над землёй на небольшой высоте и несли на себе закрытые контейнеры.

Контейнеры были тёмными, гладкими, с мягкими световыми линиями по бокам.

Некоторые — размером с грузовик.

Другие — меньше.

Третьи — длинные и узкие.

София быстро сопоставляла увиденное с тем, что команда нашла в грузовом ангаре.

— Это те же платформы. Или ранние конфигурации тех же систем.

Мартин оживился, несмотря на напряжение.

— Они активны. Посмотрите на стабилизаторы по краям.

На записи по углам платформ вспыхивали тонкие вертикальные поля.

Они удерживали груз идеально ровно, даже когда аппарат проходил над неровной почвой.

— Они могут перевозить образцы без вибрации, — сказал Мартин. — Биологические контейнеры. Хрупкие структуры. Возможно, живых существ.

Варгас внимательно смотрела на контейнеры.

— Или оборудование для сбора.

Следом вышли более тяжёлые машины.

С адаптивными опорами.

Не колёсами в земном смысле.

Они касались поверхности, считывали грунт и меняли форму каждой опоры под неровность.

Одна машина несла сложную вертикальную конструкцию, похожую на мачту или сенсорную башню.

Вторая — набор модульных блоков.

Третья — широкий плоский элемент, который после выезда начал раскрываться как сегмент будущей платформы.

Марк прошептал:

— Они разворачивают базу.

София подтвердила:

— Да. Начальная инфраструктура.

На галюэкрane древняя поляна превращалась в посадочный лагерь.

Не за минуты.

Запись могла быть ускоренной.

Но логика была ясна.

Защитные платформы держали периметр.

Байки сканировали окрестности.

Тяжёлая техника выносила модули.

Платформы доставляли контейнеры.

На земле разворачивались первые элементы будущей станции.

Световые поля отмечали границы.

Невидимые системы выравнивали грунт.

Один модуль поднялся вертикально и закрепился без фундамента, удерживаемый полем.

Другой раскрылся в полукруглую конструкцию.

Третий начал формировать прозрачный купол.

За ним, у края древнего водоёма, вспыхнула линия будущего периметра.

Мартин тихо сказал:

— Это не просто высадка.

Риверо спросил:

— А что?

— Развёртывание экспедиционного комплекса.

Марк добавил:

— Первой базы.

Все посмотрели на карту, которая всё ещё висела в малом слое сбоку от основного изображения.

Да.

Это могла быть База-1.

Та самая, которая находилась ближе к кораблю.

Первый лагерь на древней Земле.

Первая база у реки и озера.

Инопланетяне всё ещё стояли в шлюзе.

Их не показывали прямо.

Не полностью.

Запись будто избегала подробного взгляда на лица.

Или повреждение архива было именно в тех кадрах, где они были видны лучше.

Команда видела высокие тела.

Движения.

Руки.

Защитные костюмы.

Прозрачные контуры вокруг голов.

Иногда — профиль.

Иногда — поворот.

Но каждый раз свет ломался, и лица оставались неясными.
Лаура испытывала странное чувство.

Ей хотелось увидеть их.

И одновременно было страшно.

Потому что пока они были силуэтами, между ними и людьми оставалась дистанция.

Но лицо убрало бы её.

Лицо сделало бы их не абстрактными создателями корабля.

А существами.

Личностями.

Тем, кого можно было потерять.

Марк словно прочёл её мысли.

— Мы всё ещё не видели их ясно.

София ответила:

— Повреждение данных в зоне внешнего света. Возможно, сенсорная перегрузка при открытии шлюза.

Мартин сказал:

— Или архив не открывает всё сразу.

Риверо посмотрел на него.

— Это шутка?

— Нет.

И это было хуже.

Потому что Мартин действительно так подумал.

Лаура тоже.

Голос снова стал громче.

Теперь он звучал на фоне активности у шлюза.

Высокий силуэт, стоящий первым, повернул голову к одной из внутренних панелей.

Он что-то произнёс.

Сразу несколько машин ответили движением.

Одна защитная платформа сменила позицию.

Два байка поднялись выше.

Грузовая платформа повернула к боковой зоне.

София резко сказала:

— Это команда.

Марк посмотрел на неё.

— Вы уверены?

— Смотрите. После фразы меняется конфигурация техники.

Запись перемотали на несколько секунд назад.

София выделила звуковой фрагмент.

Фраза.

Пауза.

Защитная платформа меняет позицию.

Байки уходят вправо.

Платформа активирует новый маршрут.

Повторили ещё раз.

Результат тот же.

— Командная речь, — сказала София. — Или операторский протокол.

Мартин тихо произнёс:

— Значит, голос принадлежит не просто комментатору.
Риверо добавил:
— Командиру высадки.
Марк не стал возражать.
Голос был спокойным.
Уверенным.
В нём не было паники.
Не было тревоги.
Это была рабочая процедура.
Посадка.
Периметр.
Развёртывание.
Выход.
И от этого всё казалось ещё реальнее.
Чужие существа не просто прибыли.
Они работали.
Как любая экспедиция.
Как геологи, которые разворачивают лагерь.
Как военные, которые ставят охрану.
Как учёные, которые готовят первую пробу.
Как люди.
Только не люди.

Запись изменила масштаб.
Теперь галюэкрэн показывал общую картину с высоты.

Гигантский корабль стоял на древней равнине, окружённый зеленью.

Вокруг него формировалась площадка.

Двуногие защитные платформы располагались по периметру.

Байки двигались над лесом, оставляя едва заметные световые следы.

Грузовые платформы курсировали между шлюзом и разворачивающимися модулями.

Техника выдвигала опоры.

Поля стабилизировали грунт.

Несколько больших контейнеров выстраивались в линию.

На краю зоны возникал первый каркас базы.

Древняя Земля вокруг жила своей жизнью.

Вдалеке двигались длинношеие гиганты.

У реки мелькали тени животных.

Над деревьями кружили птерозавры.

А за первой линией растительности лежал древний водоём, спокойный и широкий, будто он всегда ждал это отражение серебристого корпуса.

Лес не понимал, что стал свидетелем события, которое не должно было случиться в истории Земли.

Мартин прошептал:

— Они строят её.

Марк спросил:

— Что?

— Базу.

Лаура смотрела на светящиеся модули.

— Первую.

София вывела рядом старую карту.

Точка Базы-1 вспыхнула.

Координаты совпадали.

Да.

Они видели начало первой базы.

Той, о которой раньше знали только по голограмме.

Той, которая теперь лежала где-то под землёй или исчезла в слоях времени.

Той, которую они пока не трогали.

Но она больше не была абстракцией.

Она была здесь.

На записи.

Новая.

Рабочая.

Полная движения.

Президент Фернандес наконец заговорил по связи.

Его голос звучал тише обычного.

— Это не похоже на военную операцию.

Генерал Ибарра ответил не сразу.

— Это защищённая операция.

Марк сказал:

— Экспедиционная.

Риверо посмотрел на защитные платформы на экране.

— И профессиональная.

Генерал не стал спорить.

Потому что запись говорила сама.

Да, у них были защитные системы.

Да, платформы выходили первыми.

Да, байки держали периметр.

Но не было признаков нападения.

Не было цели уничтожить.

Не было огня по животным.

Не было движения к завоеванию.

Была осторожность.

Была организация.

Было уважение к неизвестной среде.

Доктор Варгас тихо сказала:

— Они боялись нас не меньше, чем мы их.

Мартин повернулся.

— Нас тогда не было.

— Я имела в виду Землю.

Она смотрела на древний лес.

— Они не знали, какие микроорганизмы здесь существуют. Какие токсины. Какие хищники. Какие атмосферные риски. Для них эта планета была чужой биосферой.

Марк добавил:

— Прекрасной и опасной.

Лаура смотрела на высокий силуэт у шлюза.

— Поэтому защитные платформы вышли первыми.

Риверо кивнул.

— Поэтому байки с защитным полем.

— Поэтому техника до экипажа, — сказал Мартин.

— Не экипажа, — поправила София тихо.

Мартин замолчал.

— Да, — сказал он через секунду. — Не людей.

Архив снова приблизил шлюз.

Высокие фигуры готовились выйти.

Но всё ещё не выходили.

Они ждали завершения протокола.

Защитные платформы заняли позиции.

Байки подтвердили периметр.

Грузовые машины отошли от выхода.

Один из модулей за пределами корабля раскрыл прозрачное поле, создавая первую внешнюю безопасную зону.

София сказала:

— Это шлюз вне корабля.

Варгас кивнула.

— Биологический буфер. Переходная среда.

Марк посмотрел на неё.

— Они строят карантинную зону?

— Да. Или адаптационную.

Мартин сказал:

— Значит, даже они не просто вышли и вдохнули древний воздух.

— Конечно нет, — сказала Варгас. — Они были не иди-

отами.

На экране один из высоких существ поднял руку к прозрачному контуру вокруг головы.

Не снял.

Проверил.

Другой активировал устройство на предплечье.

Третий посмотрел наружу.

Лицо снова почти проявилось.

Свет прошёл по защитной поверхности.

На мгновение показалась линия глаза.

Возможно.

Тёмная.

Глубокая.

Человеческая по расположению.

Но не человеческая.

Потом изображение снова распалось.

Лаура резко вдохнула.

Марк тихо спросил:

— Вы тоже видели?

— Да.

— Глаз?

— Не знаю.

Они оба понимали: пока нельзя утверждать.

Но ощущение было.

Они видели не просто силуэты.

Там, за искажением записи, были лица.

Настоящие лица.

София попыталась изолировать голосовые фрагменты.

На боковом экране появились спектры.

Основной голос повторял один и тот же звуковой элемент несколько раз.

Не подряд.

В разных фразах.

Марк подошёл ближе.

— Это может быть название объекта.

— Земли? — спросила Лаура.

— Возможно. Или обозначение зоны посадки. Или название операции. Или имя корабля. Или вообще грамматическая частица.

Мартин посмотрел на него.

— Спасибо, профессор. Очень сузили.

Марк не улыбнулся.

— Мы не можем гадать слишком уверенно.

София проиграла фрагмент отдельно.

Звук заполнил зал.

Короткий.

Сложный.

С мягким низким началом и почти вибрирующим окончанием.

Ни один человек не смог бы произнести его точно.

Лаура слушала.

Потом сказала:

— Повтори.

София повторила.

Тот же звук.

Потом ещё раз.

И ещё.

Каждый раз он казался почти знакомым и совершенно чужим.

Мартин тихо сказал:

— Это первое слово, которое мы от них запомнили.

Марк поправил:

— Первый звук, который мы выделили.

— Профессор, не отнимайте у человечества драматизм.

На этот раз Марк всё-таки едва заметно улыбнулся.

Но улыбка быстро исчезла.

Потому что голос на записи продолжал говорить.

А они всё ещё ничего не понимали.

Не могли понять, что было сказано в момент первой высадки.

Приветствие?

Отчёт?

Команда?

Название планеты?

Молитва?

Научный протокол?

Восторг?

В человеческой истории такие моменты всегда записыва-

лись словами.

Здесь слова были.

Но смысл был закрыт.

Запись продолжалась.

Внешний буферный модуль у шлюза стабилизировался.

Прозрачное поле вокруг него стало видимым на секунду,
затем исчезло.

Платформа у выхода повернулась к высокому силуэту.

Сенсорный блок опустился.

Не поклон.

Не жест подчинения.

Просто подтверждение.

Первый из инопланетян сделал шаг.

Но не сразу на землю.

Сначала в прозрачную зону внешнего модуля.

За ним второй.

Третий.

Они двигались медленно.

Плавно.

Осторожно.

Их рост стал очевиден.

Рядом с четырёхметровой защитной платформой они не
казались маленькими.

Рядом с грузовой платформой — высокими.

Рядом со шлюзовой дверью — именно теми, для кого она была построена.

Два метра семьдесят.

Возможно, два девяносто.

Лаура смотрела на их руки.

Пять пальцев.

Или почти пять.

Из-за записи было трудно сказать точно, но форма кистей напоминала человеческую.

Слишком сильно.

Доктор Варгас едва слышно сказала:

— Гуманойдная морфология подтверждается.

Марк ответил:

— Да.

Мартин пробормотал:

— Скажите это проще.

Варгас посмотрела на него.

— Они похожи на нас.

Пауза.

— С анатомической точки зрения.

Мартин сглотнул.

— Это не проще.

На экране первый инопланетянин остановился в прозрачной внешней зоне.

Он поднял голову.

Смотрел на лес.

На древнюю Землю.

На зелёный мир, в который только что прибыл.

Голос произнёс короткую фразу.

И на этот раз никто в зале не сомневался: говорил он.

Не оператор за кадром.

Не система.

Он.

Тот, кто стоял на пороге древней Патагонии.

Запись вдруг изменилась.

Не оборвалась.

Но перешла в другой режим.

Изображение стало нестабильным.

Словно архив перескочил через повреждённый участок.

Фигуры исчезли в шуме.

Осталась общая панорама посадочной зоны.

Техника продолжала работу.

Защитные платформы держали периметр.

Байки уходили над лесом всё дальше.

Один из них поднялся над рекой, и защитная аура вокруг него на секунду вспыхнула, отражая солнечный свет.

Потом изображение разделилось.

На одном слое — посадочная площадка.

На другом — карта.

На третьем — голосовые отметки.

На четвёртом — схема выхода из корабля.

София резко выпрямилась.

— Подождите.

Риверо повернулся.

— Что?

— Архив связывает видео с миссионными данными.

— Что именно? — спросил Эстебан.

— Протокол высадки. Развёртывание защиты. Развёртывание техники. Начало строительства базы.

Марк добавил:

— Это не случайная запись. Это официальный архив.

София увеличила четвёртый слой.

Световые линии протянулись от центра управления к грузовому сектору.

Потом — к широкому внешнему контуру на нижнем боковом уровне корабля.

Тому самому контуру, который люди уже видели на схемах.

Закрытому.

Неактивному.

Отложенному.

Мартин подошёл ближе.

— Стоп.

София посмотрела на него.

— Ты тоже видишь?

— Вижу.

— Что? — спросил Риверо.

Мартин указал на схему.

— Это не просто запись старой высадки. Это последовательность открытия грузового выхода.

София быстро наложила архивный слой на современную карту Р-1.

Линии совпали.

Не приблизительно.

Точно.

Сердце корабля.

Грузовой ангар.

Защитный сектор.

Продольные линии.

Внешний грузовой контур.

Закрытый вход, который всё это время оставался только обозначением.

Мартин произнёс медленно:

— Вот как они выпускали технику.

Лаура посмотрела на голограмму.

— И вот как она может войти сейчас.

В командном центре стало тихо.

Не просто тихо.

Так, как бывает перед решением, которое уже назрело, но ещё не произнесено.

Эстебан первым вернулся к делу.

— София, статус современного грузового контура?

— Закрыт. Но архивный протокол подсвечивает последовательность доступа.

— Это означает, что мы можем открыть его?

София не ответила сразу.

Она проверяла линии.

Связи.

Энергетические отклики.

Сравнивала древний протокол с современным состоянием корабля.

— Возможно.

Риверо резко сказал:

— “Возможно” недостаточно для открытия внешнего входа в трёхкилометровый корабль.

— Согласна.

Мартин уже говорил быстрее:

— Но это не обычное открытие. Смотрите. Наружный грузовой контур связан с внутренним буфером. Он не открывает сразу весь корабль наружу.

Варгас подняла голову.

— Биологическая изоляция?

София вывела новый слой.

— Есть независимый буферный объём. Двойной контур. Внешняя камера. Внутренняя изоляция.

— То есть при открытии внешнего входа внутренняя среда корабля не смешается с внешней?

— Если система работает так, как показывает протокол,

нет.

Варгас холодно сказала:

— “Если” — это слишком большое слово.

Мартин посмотрел на неё.

— Доктор, всё, что мы делаем последние главы, стоит на слове “если”.

— И именно поэтому мы всё ещё живы.

Эстебан перебил:

— Без самовольных действий. Никто не активирует грузовой вход без разрешения.

Президент Фернандес ответил сразу:

— Разрешение пока не дано.

Генерал Ибарра добавил:

— Внешняя зона должна быть очищена. Периметр усилен. Вся техника отведена от возможной линии открытия.

Наварро, до этого молчавший, тихо спросил:

— Насколько большой этот вход?

Мартин посмотрел на масштаб.

— Достаточно большой, чтобы через него прошли их грузовые платформы.

Пауза.

— И наша техника.

Слова повисли в зале.

Наша техника.

До этого люди входили в Р-1 как гости.

Осторожно.

Маленькими группами.

Через экипажный шлюз.

Через узкий человеческий путь, приспособленный к невозможному.

Но грузовой вход менял всё.

Он означал постоянный доступ.

Лабораторные модули.

Тяжёлые сканеры.

Системы герметизации.

Роботизированные комплексы.

Инженерную технику.

Не сразу.

Не без проверок.

Но впервые — реально.

Риверо посмотрел на Лауру.

— Вы не будете активировать это вручную.

— Я и не знаю как.

Мартин повернулся к ней.

— А я боюсь, что система знает.

Лаура не ответила.

Потому что на голограмме перед ней уже появился новый слой.

Не карта древней высадки.

Не запись.

Современный Р-1.

И на нём — грузовой контур.

Тонкая световая линия.

Ждущая.

София тихо сказала:

— Система предлагает синхронизировать протокол.

Риверо сразу:

— Отказ.

Лаура подняла руку.

— Подождите.

— Нет.

— Капитан, она не открывает его сейчас. Она показывает процедуру.

София подтвердила:

— Да. Это не активация. Это последовательность проверки.

Варгас сказала:

— Тогда сначала проверка.

Эстебан по связи:

— Периметр готовить. Всем внешним группам — отойти от западного нижнего борта. Дроны поднять. Камеры на грузовой контур. Биологические датчики — по максимуму. Никакого открытого входа без подтверждения Варгас.

Генерал Ибарра добавил:

— Военный периметр усилить. Все посты — готовность один. Никто не приближается к проёму.

Президент сказал:

— Открытие только внешнего контура. Без ввода техники

внутри. Без нарушения внутреннего шлюза. Подтверждаете?

София посмотрела на данные.

— Да. Можно открыть внешний грузовой контур и оставить внутреннюю грузовую предкамеру закрытой.

Варгас кивнула.

— Тогда биологический риск ниже. Но не нулевой.

— Нулевых рисков здесь нет, — сказал Эстебан.

Президент сделал паузу.

На экране командного центра всё ещё была замершая древняя высадка.

Защитные платформы.

Байки.

Грузовые машины.

Высокие фигуры.

Первая база.

И рядом — современная схема Р-1, лежащего под проекторами в огромном раскопе.

Прошлое и настоящее впервые совпали в одной точке.

Фернандес произнёс:

— Разрешаю подготовку к открытию внешнего грузового контура.

Генерал Ибарра посмотрел на него.

Президент добавил:

— Только внешний контур. После подтверждения всех служб.

Риверо коротко сказал:

— Принято.

Снаружи, в раскопе, началось движение.

Не хаос.

Не паника.

Рабочая тревога.

Прожекторы повернулись к нижней западной части корпуса.

Там, где серебристая поверхность долго оставалась такой же гладкой, как всё остальное.

Там, где георадары видели огромную внутреннюю пустоту.

Там, где раньше была только гипотеза.

Грузовой вход.

Люди на поверхности отходили за обозначенные линии.

Тяжёлая техника глушила двигатели.

Дроны поднимались выше.

Сканеры смотрели на металл.

Военные закрывали сектор.

Ветер гнал пыль по дну карьера.

Патагонская ночь сгущалась над прожекторами.

А внизу, на поверхности корабля, ничего не происходило.

Первые минуты.

Потом ещё.

Мартин смотрел на трансляцию из сердца корабля.

— Я официально ненавижу ожидание перед гигантскими дверями.

София не отрывалась от показателей.

— Это не дверь.

— Я знаю. Управляемое состояние корпуса. Но “гигантское управляемое состояние корпуса” звучит хуже.

Лаура стояла перед голограммой.

Система показывала последовательность.

Древний протокол высадки.

Современный грузовой контур.

Проверка внешней среды.

Проверка внутренней предкамеры.

Проверка давления.

Проверка поля.

Проверка герметичности.

Одна линия за другой загоралась мягким светом.

Варгас отслеживала биологические параметры.

— Внешняя зона чистая. Пыль — обычная. Микробиологический фон земной. Изнутри выброса нет.

Эстебан спросил:

— Внутренняя среда?

София ответила:

— Грузовая предкамера изолирована. Основные внутренние отсеки закрыты.

— Подтверждение?

— Тройной контур.

Мартин добавил:

— Если верить системе.

Варгас посмотрела на него.

— Не помогаете.

— Я инженер. Моя работа — портить оптимизм.

София подняла голову.

— Последняя проверка завершена.

Риверо сказал:

— Все внешние группы подтвердили отход?

По связи ответили посты.

— Сектор запад-низ чист.

— Дроны на позиции.

— Техника отведена.

— Периметр закрыт.

— Биомониторинг активен.

Эстебан посмотрел на президента на экране.

Фернандес кивнул.

— Выполняйте.

София не нажимала кнопку.

Кнопок не было.

Лаура тоже ничего не касалась.

Просто голограмма протокола завершила последний цикл.

И Р-1 ответил.

На внешней поверхности корабля появилась тонкая световая линия.

Сначала такая слабая, что её приняли за отражение прожектора.

Потом линия пошла дальше.

Влево.

Вправо.

Вниз.

Вверх.

Она очертила огромную форму на серебристом корпусе.

Не прямоугольник.

Не ворота в земном смысле.

Сложный овальный контур с внутренними сегментами, рассчитанный на машины, которые не ездили по колёсам и не нуждались в человеческих дорогах.

В раскопе никто не говорил.

Даже военные.

Даже инженеры.

Даже рабочие, привыкшие к грохоту техники.

Все смотрели, как на гладком металле, который месяцы не поддавался ничему, впервые появляется вход размером с здание.

Свет усилился.

Металл внутри контура стал темнее.

Потом глубже.

Потом перестал отражать прожекторы.

Словно серебристая поверхность уходила внутрь самой себя.

Мартин прошептал:

— Он открывается.

София сказала:

— Внешний контур меняет состояние.

На дне карьера поднялась пыль.

Не от ветра.

От движения воздуха.

Перед корпусом возникло слабое мерцание — внешний защитный барьер грузового шлюза.

Он раскрылся первым.

Проверил пространство.

Сканировал.

Отсекал пыль.

Стабилизировал давление в зоне проёма.

Потом серебристая поверхность внутри контура начала исчезать слоями.

Не створками.

Не плитами.

Не механически.

Так же, как в сердце корабля.

Материал перестраивался.

Только теперь масштаб был огромным.

Тридцать метров.

Пятьдесят.

Больше.

Постепенно в корпусе Р-1 возник гигантский тёмный про-

ём.

Но за ним не открылся сразу внутренний корабль.

За ним была предкамера.

Глубокая.

Широкая.

Серебристая.

Пустая.

Свет внутри неё зажигался рядами, уходящими в глубину.

Пол был не полом в земном смысле, а широким гладким грузовым маршрутом, рассчитанным на платформы и тяжёлые машины.

По бокам виднелись ниши.

Сенсорные линии.

Контуры фиксации.

И дальше — в глубине — второй закрытый барьер.

Внутренний грузовой шлюз.

Он оставался закрытым.

Варгас выдохнула:

— Внутренний контур не открыт.

София подтвердила:

— Герметичность сохранена.

Эстебан медленно произнёс:

— Внешний грузовой вход открыт.

Никто сразу не ответил.

Потому что все понимали, что это значит.

Впервые за шестьдесят пять миллионов лет Р-1 открыл не

проход для людей.

Не узкий экипажный шлюз.

Не дверь для группы в защитных костюмах.

Он открыл путь для техники.

Большой.

Настоящий.

Тот самый путь, по которому когда-то выходили защитные платформы, байки, грузовые машины и модули первой базы.

Теперь перед ним стояли люди.

Маленькие.

В своих прожекторах.

Своих костюмах.

Своих страхах.

И со своей техникой, которая впервые могла приблизиться к входу древнего корабля не как к стене, а как к дороге.

Мартин тихо сказал:

— Вот теперь у нас есть ворота.

Риверо поправил:

— У нас есть внешний шлюз.

— Капитан, пожалуйста, дайте мне хотя бы одну красивую фразу за сегодня.

Лаура смотрела на голограмму.

В архивном слое древние грузовые платформы выходили из корабля к зелёной Патагонии.

В современной трансляции огромный проём смотрел в

тёмный карьер.

Две высадки разделяли шестьдесят пять миллионов лет.

Там — чужая экспедиция выходила к древней Земле.

Здесь — Земля открывала путь внутрь их корабля.

Президент Фернандес сказал по связи:

— Технику внутрь не вводить.

Эстебан ответил:

— Подтверждаю. Только дистанционное сканирование, герметичные датчики и подготовка внешнего перехода.

Варгас добавила:

— До отдельного биологического протокола внутрь не входит ничего тяжёлого.

Мартин повернулся к ней.

— Даже маленький трактор?

— Особенно маленький трактор.

— У меня не было трактора. Просто проверял настроение.

Риверо сказал:

— Внешняя группа начинает осмотр. Без пересечения порога.

София уже обновляла карту.

На схеме Р-1 появилось новое обозначение:

**HEAVY CARGO ACCESS — OUTER CONTOUR
OPEN**

**ТЯЖЁЛЫЙ ГРУЗОВОЙ ДОСТУП — ВНЕШНИЙ
КОНТУР ОТКРЫТ**

Ниже, по настоянию Варгас, появилась вторая строка:

**INNER CARGO SEAL CLOSED / NO VEHICLE
ENTRY WITHOUT PROTOCOL**

**ВНУТРЕННИЙ ГРУЗОВОЙ КОНТУР ЗАКРЫТ /
ВЪЕЗД ТЕХНИКИ ТОЛЬКО ПО ПРОТОКОЛУ**

Мартин посмотрел на неё.

— Теперь даже корабль звучит как бюрократ.

— Это не корабль, — сказала София. — Это я подписала.

— Тогда звучит ещё страшнее.

Архивный фрагмент завершался.

Галюэкрэн снова показал древнюю посадочную зону.

Первый инопланетянин стоял в прозрачной внешней зоне перед кораблём.

Позади него — ещё четыре фигуры.

За ними — огромный шлюз.

Снаружи — защитные платформы, байки, техника и древний лес.

Изображение всё ещё не давало лица ясно.

Свет и повреждения архива скрывали главное.

Но уже не было сомнений в их форме.

В их росте.

В их движениях.

В том, что они были разумными существами, прибывшими к древней Земле с целью.

Голос произнёс ту же повторяющуюся звуковую форму.

София выделила её автоматически.

Она прозвучала отдельно.

Чужой звук.

Первое слово без перевода.

Первый обломок чужого языка.

Лаура слушала его и вдруг поняла, что им не нужно понимать всё сразу.

Не сейчас.

Сейчас было достаточно другого.

Они видели, как начиналась миссия.

Видели, как корабль опустился в древней Патагонии.

Видели, как из него вышли защитные платформы, байки, техника.

Видели, как высокие существа готовились ступить на Землю.

И в тот же день, в том же корабле, по тому же протоколу, люди открыли путь, которым когда-то вышла их экспедиция.

Это не была легенда.

Не была догадка.

Не была реконструкция.

Это произошло.

Здесь.

На этой планете.

В этом месте.

До человека.

До истории.

До памяти самой Земли.

Запись остановилась.

Не оборвалась.

Просто завершила фрагмент.

Галозэкран потемнел.

Центральное ядро продолжало светиться.

В зале стало тихо.

Слишком тихо после чужих голосов.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Эстебан спросил по связи:

— Что вы видели?

Лаура ответила не сразу.

Она смотрела на пустой экран.

На место, где только что стояли первые гости древней Земли.

Потом сказала:

— Начало.

Марк медленно кивнул.

— Да.

Мартин добавил:

— И протокол.

Риверо посмотрел на него.

— Протокол чего?

Мартин повернулся к галозэкрану.

— Высадки.

София тихо сказала:

— Архивный фрагмент завершён. Следующие блоки доступны, но закрыты.

Эстебан спросил:

— Закрыты чем?

София посмотрела на центральное ядро.

— Не паролем. Не кодом. Скорее последовательностью.

— Что это значит?

Марк ответил за неё:

— Архив показывает историю по порядку.

Лаура почувствовала, что это правда.

Сначала голос.

Потом Земля из космоса.

Потом посадка.

Потом протокол высадки.

Следом должны быть база.

Экспедиция.

Сбор мира.

А потом...

Она не хотела додумывать.

Но все уже понимали.

Если архив начал с прибытия, рано или поздно он должен показать, почему они не улетели.

Лаура посмотрела на пустые ложементы вокруг.

Семь мест операторов.

Семь пустых мест.

И впервые эти пустые места перестали быть просто загад-

кой.

Они стали ожиданием.

Будто те, кто находился здесь когда-то, всё ещё собирались продолжить рассказ.

Мартин тихо сказал:

— Мы всё ещё не видели их по-настоящему.

Марк ответил:

— Увидим.

— Вы уверены?

Профессор посмотрел на центральное ядро.

— Да.

Лаура добавила:

— Когда архив дойдёт до следующего фрагмента.

Мартин посмотрел на неё.

— Это звучит намного безопаснее, чем “когда корабль решит”.

София тихо сказала:

— И намного точнее.

В сердце корабля снова повисла тишина.

Но теперь это была не пустая тишина.

В ней всё ещё звучал чужой голос.

Непонятный.

Далёкий.

Первый голос цивилизации, которая когда-то пришла на Землю не для войны.

А для открытия.

И Земля ответила им древним лесом.

Снаружи, в огромном раскопе, под холодным патагонским небом, новый проём в корпусе Р-1 сиял мягким внутренним светом.

Перед ним пока не стояла земная техника.

Только датчики.

Дроны.

Люди в защитных костюмах.

И тишина, похожая на ожидание.

Теперь у них был путь, которым древняя экспедиция вышла к первой базе.

Теперь у людей был вход, через который однажды войдут их машины.

И следующая дорога вела уже не глубже в корабль.

Она вела наружу.

К тому месту, где когда-то у реки, древнего леса и спокойной воды появилась первая база пришельцев.

К базе у озера.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БАЗА У ОЗЕРА

Следующий архивный блок открылся не сразу.

Центральное ядро долго молчало.

Свет внутри него двигался медленно, словно система архива перестраивала повреждённые слои памяти.

В сердце корабля стояла тишина.

Та самая тишина, которая появлялась теперь после каждого фрагмента прошлого.

Не пустая.

Наполненная.

Голосами, которые они не понимали.

Движениями существ, лица которых ещё не видели ясно.

Древней Землём, которая была так прекрасна, что от неё становилось больно.

Лаура Мендоса стояла перед галоэкраном и смотрела на тёмную поверхность.

Ей казалось, что она всё ещё слышит тот голос.

Низкий.

Чужой.

Живой.

Марк Стивенс стоял рядом.

Он ничего не записывал.

Не комментировал.

Не строил гипотез.

Слишком многое уже произошло за последние часы, и даже профессор, привыкший превращать невозможное в систему, был вынужден просто смотреть.

Мартин Ортега первым нарушил молчание.

— Я не уверен, что хочу видеть продолжение.

Риверо повернулся к нему.

— Почему?

Мартин посмотрел на пустые ложементы вокруг круглого зала.

— Потому что мы уже знаем, чем всё закончится.

Никто не ответил.

Потому что в этом была правда.

Они видели начало.

Посадку.

Протокол высадки.

Двуногие защитные платформы.

Байки.

Технику.

Высокие силуэты на пороге корабля.

Но корабль был пуст.

Базы молчали.

Челночные гнёзда были пусты.

Костюмы — пусты.

Капсулы — пусты.

Значит, где-то в этих архивах начало должно было пре-
вратиться в конец.

И все боялись момента, когда это случится.

По внешнему каналу пришёл доклад из раскопа.

Снаружи, у нижнего западного борта Р-1, всё ещё сиял
открытый внешний грузовой контур.

Огромный проём в корпусе был стабилен.

Внутренняя грузовая предкамера оставалась закрытой.

Дроны медленно проходили вдоль внешней кромки, не
пересекая внутренний барьер.

Датчики проверяли давление, пыль, электромагнитный
фон, микрочастицы и состояние защитного поля.

Земная техника всё ещё стояла за линией допуска.

Ни один тяжёлый модуль не вошёл внутрь.

Пока.

Но сам факт открытого грузового доступа изменил всё.

Теперь путь, по которому когда-то выходили машины
древней экспедиции, существовал снова.

Не как линия на схеме.

Не как догадка.

Как настоящий вход в корпусе корабля.

София Рохас вывела на малый слой карты современный

грузовой проём и архивный маршрут высадки.

Линии совпадали.

От сердца корабля.

К грузовому ангару.

К внешнему шлюзу.

К посадочной зоне.

К первой базе.

Мартин тихо сказал:

— Мы смотрим на дорогу, по которой они вышли наружу.

Лаура не отвела взгляда от тёмного галюэкрана.

— И по которой мы теперь можем понять, куда они по-
шли.

София стояла у центрального ядра, держа сканер в обеих руках.

— Следующий блок доступен.

Эстебан Альварес спросил по связи:

— Тип записи?

— Похоже на дневник экспедиционной базы. Несколько
внешних сенсорных каналов. Возможно, смонтированный
обзор для отчёта.

Президент Фернандес, подключённый из командного цен-
тра, тихо сказал:

— Продолжайте.

Риверо посмотрел на Лауру.

— Готовы?

Она не сразу ответила.

Потом кивнула.

— Да.

София активировала воспроизведение.

Галюэкрэн ожил.

Сначала появился свет.

Яркий.

Золотистый.

Живой.

Не свет лаборатории.

Не свет корабля.

Солнечный свет древней Земли.

Изображение стабилизировалось медленно.

Сначала небо.

Глубокое.

Чистое.

С широкими белыми облаками, которые медленно двигались над зелёным миром.

Потом верхушки деревьев.

Гигантские папоротники.

Древние хвойные.

Саговники.

Плотные заросли, уходящие до горизонта.

Меловая Патагония была не пустынной и холодной.

Не каменной.

Не продуваемой ветрами, какой её знали люди.

Она была зелёной.

Влажной.

Насыщенной жизнью.

Лес дышал.

Даже через запись это чувствовалось.

Внизу блестела вода.

Озеро.

Огромное.

Спокойное.

Невероятно красивое.

Оно лежало недалеко от базы, как зеркало древнего неба.

Берега заросли папоротниками и низкими деревьями.

На дальнем краю поднимались тёмные холмы.

Над поверхностью воды висел лёгкий туман.

Вода отражала облака, зелёные кроны и силуэты птерозавров, которые кружили высоко над берегом.

Доктор Варгас тихо сказала:

— Озеро...

Марк едва слышно ответил:

— Древняя Патагония.

Сенсорный взгляд медленно поднялся выше.

И тогда они увидели базу.

Она уже была построена.

Не лагерь первых часов.

Не набор разворачивающихся модулей.

Настоящая экспедиционная станция.

Она стояла на широкой площадке между лесом и озером,

примерно в нескольких сотнях метров от воды.

Невысокие серебристые конструкции образовывали полукруг.

Некоторые модули были вытянутыми.

Другие — купольными.

Третьи — вертикальными, похожими на башни наблюдения.

Между ними проходили световые дорожки.

Над частью базы сияли прозрачные поля, едва заметные в солнечном воздухе.

В одном секторе стояли грузовые платформы.

В другом — двуногие защитные платформы.

На краю площадки были выстроены байки.

Не мёртвые машины в ангаре.

Рабочие.

Готовые.

С защитными прозрачными аурами, которые то появлялись, то исчезали вокруг них.

Рядом с базой двигались фигуры.

Высокие.

Прямые.

Гуманоидные.

Создатели корабля.

Их было много.

Не пять.

Не десять.

Десятки.

Лаура сделала шаг ближе.

София увеличила изображение.

На площадке, между модулями, у техники, возле озера и у защитного контура базы можно было различить не меньше пятидесяти фигур.

Может быть, больше.

Некоторые шли группами.

Некоторые работали возле контейнеров.

Некоторые стояли у сенсорных панелей.

Часть была в защитных костюмах.

Часть — в более лёгких экспедиционных оболочках.

Лиц всё ещё не было видно чётко.

Расстояние.

Блики.

Качество записи.

Но тела...

Теперь они видели больше.

Они были высокими.

Около двух метров семидесяти.

Некоторые, возможно, выше.

Фигуры отличались.

Не только ростом.

Не только шириной плеч.

Некоторые были массивнее.

Другие — стройнее.

У одних линии тела были более широкими в плечах и груди.

У других — иными, с более мягкими пропорциями.

Доктор Варгас произнесла очень осторожно:

— Среди них есть разные типы телосложения.

Мартин посмотрел на неё.

— Вы хотите сказать...

Она не стала торопиться.

— Я хочу сказать, что по фигурам можно предположить биологические различия внутри вида. Возможно, половые. Возможно, функциональные. Пока нельзя утверждать.

Марк тихо сказал:

— Не военный десант.

Риверо посмотрел на базу.

— Экспедиция.

— Полноценная, — добавила Лаура.

На экране один из высоких существ передавал другому контейнер.

Двое стояли у модуля с растительными образцами.

Ещё трое проверяли байки.

Группа у озера работала с прозрачными цилиндрами, возможно, собирая образцы воды.

База жила.

Это была не пустая легенда.

Не реконструкция.

Не догадка.

Они смотрели на день из жизни внеземной экспедиции на древней Земле.

Голос снова звучал поверх изображения.

На этот раз он был не один.

Архив включал несколько голосовых дорожек.

Основной голос комментировал картину.

Другие появлялись фрагментами: короткие команды, ответы, подтверждения.

София попыталась наложить звуки на действия.

— Есть повторяющиеся фразы при перемещении техники. Есть отдельные сигналы при работе с животными. Возможно, профессиональные команды.

Мартин спросил:

— Мы стали ближе к переводу?

София покачала головой.

— Нет.

— Совсем?

— Мы можем связывать отдельные звуки с контекстом.

Но понять смысл пока невозможно.

Марк сказал:

— Это как смотреть на людей через стекло без субтитров.

Мартин посмотрел на экран.

— Людей?

Марк не сразу ответил.

Потом тихо произнёс:

— Я сказал слишком быстро.

Но все поняли, почему он ошибся.

Потому что чем дольше они смотрели на базу, тем труднее было держать слово “инопланетяне” на безопасной дистанции.

Они двигались слишком похоже.

Работали группами.

Передавали инструменты.

Ждали друг друга.

Указывали на объекты.

Оборачивались на звук.

Некоторые стояли у озера и просто смотрели на воду.

Как будто любовались.

Как будто озеро древней Патагонии могло удивить их так же, как теперь удивляло людей.

Кадр сменился.

Теперь запись показывала другой участок рядом с базой.

Открытое пространство между лесом и озером.

На дальнем краю двигалось стадо динозавров.

Средних размеров.

Травоядные.

Не гиганты вроде крупных титанозавров.

Но всё равно крупные.

Мощные тела.

Длинные хвосты.

Головы низко над растительностью.

Они шли вдоль края леса, медленно, спокойно, не подозревая, что их уже окружает невидимая система.

В воздух поднялись байки.

На них сидели члены экспедиции.

Теперь это было видно ясно.

Каждый оператор находился внутри прозрачной защитной ауры.

Поле окружало и аппарат, и тело.

Свет вокруг них чуть искажался.

На солнце аура становилась почти золотой.

Байки двигались бесшумно.

Они не неслись на животных с агрессией.

Не атаковали.

Не стреляли.

Они занимали позиции.

Один — впереди стада.

Два — по бокам.

Ещё один — чуть выше.

На земле двигались две грузовые платформы и несколько двуногих защитных машин.

Риверо сказал:

— Загон.

Марк нахмурился.

— Но аккуратный.

— Да. Они контролируют направление.

На записи байки медленно смещались, не приближаясь слишком резко.

Динозавры подняли головы.

Некоторые повернулись к лесу.

Но там уже стояла защитная платформа.

Не угрожая.

Не атакая.

Просто закрывая путь.

Стадо начало отходить в сторону открытой площадки.

Байки двигались синхронно.

Их защитные поля иногда расширялись, создавая световые барьеры.

Не физические стены.

Скорее направляющее поле.

Животные избегали его, как избегают огня, воды или хищника.

Мартин тихо сказал:

— Они не гонят их силой.

София ответила:

— Они управляют поведением.

— Как пастухи?

Марк посмотрел на экран.

— Пастухи с технологиями, которые мы не можем объяснить.

Доктор Варгас внимательно наблюдала.

— У животных нет признаков травм. Паника умеренная.

Они раздражены, но не обезумели.

Риверо кивнул.

— Профессионально.

Когда стадо вышло на нужную позицию, один из байков поднялся выше.

Защитное поле вокруг него расширилось.

Из нижней части аппарата вышел мягкий световой импульс.

Он не ударил.

Не взорвался.

Не обжёг.

Просто прошёл через воздух, как волна.

Первое животное замедлилось.

Потом второе.

Третье остановилось.

Стадо начало шататься.

Они не падали сразу.

Их тела словно становились тяжёлыми.

Один динозавр опустил на передние конечности.

Другой лёг на бок.

Третий сделал несколько шагов и мягко опустился на землю.

Доктор Варгас резко подалась вперёд.

— Седативное воздействие.

Мартин спросил:

— На расстоянии?

— Похоже.

София анализировала спектр.

— Не химическое распыление. Или не только химическое. Возможно, нейрофизиологическое поле.

Варгас сказала:

— Они усыпляют их.

Марк смотрел на экран, не скрывая потрясения.

— Без крови.

— Без повреждений, — добавила Варгас.

Риверо сказал:

— Нелетальный захват.

Защитные машины подошли ближе.

Не к животным сразу.

Сначала к периметру.

Проверка.

Контроль.

Потом подъехали грузовые платформы.

Их боковые поля раскрылись.

Одно из спящих животных мягко поднялось над землёй.

Не за ноги.

Не тросами.

Не крюками.

Всё тело оказалось в прозрачном стабилизирующем поле, которое удерживало его ровно.

Голова не падала.

Хвост не волочился.

Конечности не ломались.

Животное подняли так, как врач поднимает пациента на операционный стол.

Осторожно.

Точно.

С уважением к телу.

Лаура почувствовала, как напряжение внутри немного отпускает.

Она боялась увидеть жестокость.

Охоту.

Насилие.

Но запись показывала другое.

Это был сбор образцов.

Страшный.

Чужой.

Но не бойня.

Не трофейная охота.

Научная операция.

Грузовые платформы начали движение к кораблю.

Одна за другой.

На каждой — спящее животное в стабилизирующем поле.

Рядом шли защитные машины.

Над ними сопровождали байки.

Вдали база продолжала работать.

На краю посадочной площадки открылся огромный грузовой вход корабля.

Тот самый путь, который люди потом нашли закрытым и открыли через миллионы лет.

Теперь он работал свободно.

Широко.

Внутри был виден освещённый грузовой ангар.

Платформы входили внутрь.

Там их встречали другие машины.

И высокие фигуры в защитных костюмах.

Мартин шёпотом сказал:

— Вот как они загружали ковчег.

Никто не возразил.

Они видели процесс.

Не результат.

Не камеры с законсервированными телами.

А путь туда.

Животное в древнем лесу.

Стадо.

Байки.

Седативное поле.

Грузовая платформа.

Корабль.

Биологический комплекс.

Ковчег.

Марк тихо сказал:

— Мы смотрим на происхождение одного из залов.

Доктор Варгас добавила:

— И на их метод.

София показала на боковой слой записи.

— Каждому животному присваивался код ещё до транспортировки.

— То есть они выбирали заранее, — сказал Марк.

— Да.

— По виду? Возрасту? Состоянию?

— Вероятно.

Лаура смотрела на спящих динозавров.

— Они знали, что им нужно.

— Да, — сказал Марк. — Это не случайный отлов.

Запись ускорилаь.

Солнце двигалось по небу.

Тени менялись.

База становилась активнее.

Они увидели, как члены экспедиции работали у озера.

Несколько фигур в лёгких защитных костюмах стояли на прозрачной платформе над водой.

Платформа едва касалась поверхности.

Озеро было невероятно чистым.

В нём отражались облака, птерозавры, зелёные берега и серебристые модули базы.

На глубине мелькали тени древних рыб.

Один из пришельцев опустил в воду длинный тонкий ин-

струмент.

Другой управлял плавающими микрозондами.

Третий держал контейнер, внутри которого уже светились маленькие образцы.

Вдалеке, у берега, стояли крупные животные и пили воду.

Никто не вмешивался.

Это был другой фрагмент работы.

Не захват.

Наблюдение.

Изучение.

Сбор.

Доктор Варгас сказала:

— Водные образцы.

Марк добавил:

— Возможно, начало того сектора, который мы видели.

Мартин посмотрел на озеро.

— Красивое место для базы.

Лаура тихо сказала:

— Они тоже это видели.

— Что?

— Красоту.

Мартин не ответил.

На экране один из членов экспедиции у озера остановился и несколько секунд просто смотрел на воду.

Голова была повернута к отражению облаков.

Он ничего не делал.

Не отдавал команд.

Не работал.

Просто смотрел.

И этот маленький момент вдруг оказался важнее многих технических деталей.

Они не были холодными машинами.

Они могли останавливаться перед озером.

Кадр снова вернулся к базе.

Теперь обзор был шире.

Команда в сердце корабля увидела всю станцию.

Модули.

Поля.

Технику.

Двуногие защитные платформы.

Байки.

Грузовые маршруты к кораблю.

Зоны сбора образцов.

Медицинский блок.

Наблюдательные башни.

И множество фигур.

София запустила подсчёт.

— На видимой территории пятьдесят семь особей.

Мартин повернулся.

— Пятьдесят семь?

— Минимум.

— Это только на базе?

— В кадре.

Марк медленно произнёс:

— Значит, экипаж корабля был значительно больше, чем мы думали.

Риверо сказал:

— Или часть экипажа находилась на корабле, часть на базе, часть на маршрутах.

— Да, — ответила София. — И это только первая база.

Все подумали о второй.

О той, что находилась примерно в двадцати семи километрах.

Если на первой базе было не меньше пятидесяти существ, сколько было всего?

Сколько челноков уходило на маршруты?

Сколько групп работало в древних лесах, у рек, на берегах, в морях?

Сколько голосов звучало на Земле до человека?

Лаура смотрела на десятки фигур и впервые ощутила масштаб потери.

До этого пустота корабля была загадкой.

Теперь она стала трагедией.

Потому что исчез не один экипаж.

Не несколько операторов.

Не группа неизвестных пилотов, оставивших после себя технику.

Исчезла целая экспедиция.

Десятки.

Может быть, сотни.

С ролями.

Голосами.

Различиями.

Привычками.

Жестами.

И лицами, которые ещё только предстояло увидеть.

Фрагмент изменился ближе к вечеру.

Солнечный свет стал мягче.

Озеро окрасилось золотом.

Лесные массивы темнели.

Над водой поднимался туман.

Вдали ревело крупное животное.

На базе зажигались световые линии.

Прозрачные купола начинали светиться изнутри.

Байки возвращались к стоянкам.

Защитные платформы занимали ночные позиции.

Грузовые платформы входили в ангар корабля.

Это был конец рабочего дня.

Именно так это ощущалось.

Не событие.

Не катастрофа.

Обычный день экспедиции.

Первый.

Или один из первых.

Пока архив показывал вечернюю базу, София вывела отдельный слой координат.

— Уточняется местоположение Базы-1.

Эстебан сразу спросил:

— Современная привязка?

— Пока приблизительная. Древний рельеф сильно отличался. Озеро могло исчезнуть, сместиться, быть перекрыто осадками или полностью уйти под современные слои.

Марк кивнул.

— За шестьдесят пять миллионов лет ландшафт мог измениться до неузнаваемости.

Мартин посмотрел на озеро на экране.

— То есть в нашем времени там может не быть никакого озера.

— Да, — сказала София. — Но если база была рядом с крупным водоёмом, геологические следы должны остаться. Осадочные структуры. Древняя береговая линия. Минеральные отложения.

Эстебан заговорил уже как руководитель операции:

— Подготовить георадарную разведку по сектору предполагаемой Базы-1. Без раскопок. Пока только дистанционное сканирование.

Генерал Ибарра добавил:

— И без выхода за внутренний периметр без моего подтверждения.

София ответила:

— База-1, судя по карте, внутри текущей зоны. Но требуется уточнение.

Президент Фернандес сказал:

— Любое полевое действие — после отдельного доклада. Мы не открываем новую площадку, пока не понимаем, что именно ищем.

Наварро тихо произнёс:

— Теперь мы знаем.

Все на секунду замолчали.

Потому что он был прав.

Они уже знали, что ищут.

Не просто аномалию.

Не пустую точку на карте.

Не гипотетическую станцию.

Они ищут место, где десятки существ другой цивилизации жили у озера на древней Земле.

Место, где они работали.

Собирали воду.

Наблюдали за животными.

Строили модули.

Возвращались вечером к светящимся куполам.

Место, которое когда-то было живым.

Галозэкран снова изменился.

Теперь он показывал внутреннюю зону базы.

Не корабля.

Именно базы.

Светлый модуль с прозрачными стенами.

За ними — озеро.

Сквозь защитное поле виднелась древняя природа.

Внутри находились двое членов экспедиции.

Высокие.

В лёгких защитных костюмах.

Они стояли у внутреннего шлюза.

Один был чуть шире в плечах.

Другой — стройнее.

Фигуры отличались.

Но оба двигались спокойно.

Уверенно.

На стене перед ними светились показатели.

Возможно, анализ атмосферы.

Возможно, биологический контроль.

Доктор Варгас резко выпрямилась.

— Они проверяют среду.

София увеличила фрагмент.

— Состав воздуха. Влажность. Микробиологические параметры. Похоже на протокол адаптации.

Мартин тихо спросил:

— Адаптации к чему?

Лаура уже поняла.

— К земному воздуху.

Никто не сказал больше ни слова.

Первый пришелец поднял руки к шлему.

Движение было медленным.

Осторожным.

Он не спешил.

Второй стоял рядом и, похоже, контролировал показатели на панели.

Голос прозвучал снова.

На этот раз не командный.

Тише.

Ближе.

Возможно, разговор между ними.

Первый повернул голову.

Второй ответил короткой фразой.

София почти прошептала:

— Запись стабилизируется.

Риверо резко сказал:

— Это безопасно для просмотра?

Мартин посмотрел на него.

— Капитан, вы сейчас спрашиваете, безопасно ли увидеть лицо пришельца?

— Я спрашиваю, не активирует ли это систему.

София ответила:

— Это архивный фрагмент. Внешних команд нет.

Варгас смотрела на показатели.

— Биологических изменений нет.

Марк не отрывал глаз от экрана.

— Он снимает шлем.

Первый высокий силуэт поднял руки выше.

Пальцы коснулись прозрачного защитного контура.

Свет по краю шлема дрогнул.

Линия герметизации начала расходиться.

Не резко.

Не механически.

Мягко.

Как будто материал раскрывался по слою света.

За прозрачной стеной модуля золотилось озеро.

Вечерний свет древней Патагонии падал на защитный

контур.

Запись стала почти чёткой.

Почти.

Лаура перестала дышать.

Марк медленно сделал шаг вперёд.

София замерла над сканером.

Мартин не сказал ни слова.

Даже он.

Контур шлема раскрылся ещё немного.

Сначала показалась тёмная линия под защитным слоем.

Потом высокий лоб.

Или то, что могло быть лбом.

Потом тень скулы.

Поворот головы.

Блик на глазнице.

Лаура не знала, видит ли она настоящий глаз или только отражение древнего озера.

Но сердце ударило так сильно, будто ответ был уже перед ней.

Ещё секунда.

Ещё одна.

И лицо должно было появиться в полном свете.

Именно в этот момент изображение дрогнуло.

Галозэкрэн покрылся тонкими линиями помех.

Свет древнего озера рассыпался.

Фигура осталась в кадре ещё на долю секунды.

Руки у шлема.

Поворот головы.

Намёк на черты за защитным контуром.

Но не лицо.

Ещё нет.

Потом экран потемнел.

Фрагмент оборвался.

В сердце корабля стало темно.

Центральное ядро продолжало светиться тихо.

Никто не двигался.

Никто не говорил.

Потому что теперь тайна стала ближе, чем когда-либо.

Они увидели базу.

Они увидели экспедицию.

Они увидели, как собирали животных, воду, растения и саму жизнь древней Земли.

Они увидели десятки тех, кто был здесь до человека.

И почти увидели лицо.

Почти.

Лаура смотрела на пустой галлоэкрэн и понимала: прежний вопрос изменился.

Раньше они спрашивали:

кто они были?

Теперь вопрос стал страшнее.

Глубже.

Ближе.

Какими они были?

И почему архив остановился именно перед тем, как показать их лица?

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛИЦА ДО ЧЕЛОВЕКА

Галюэкран погас.

Не после ответа.

Перед ним.

И от этого тишина стала тяжелее.

Все в сердце корабля понимали: архив остановился за мгновение до главного.

Перед лицом.

Перед той чертой, после которой уже нельзя было бы спрятаться за словами “силуэт”, “контур”, “гуманоидная форма”.

Лаура Мендоса стояла в центре круглого зала и смотрела на тёмную внутреннюю поверхность.

Там только что был модуль древней базы.

Озеро за прозрачной стеной.

Вечерний свет меловой Патагонии.

Два высоких существа в лёгких защитных костюмах.

Один поднял руки к шлему.

Контур начал открываться.

И запись оборвалась.

Мартин Ортега первым нарушил молчание.

Голос его прозвучал непривычно тихо.

— Это было специально?

София Рохас не сразу ответила.

Она смотрела на поток данных, который ещё шёл от центрального ядра.

— Не знаю.

— Это повреждение?

— Возможно.

— Или архив не хотел показывать дальше?

Риверо повернулся к нему.

— Мартин.

— Я спрашиваю как инженер, капитан.

— Как инженер вы должны ненавидеть такие формулировки.

— Ненавижу. Поэтому и спрашиваю.

София подняла взгляд.

— Фрагмент не закрыт. Он повреждён в месте перехода, но данные не исчезли. Система пытается восстановить слой.

Марк Стивенс стоял рядом с Лаурой.

Он ничего не записывал.

Не строил гипотез.

Не торопился говорить.

Слишком многое уже произошло за последние часы, и даже профессор, привыкший превращать невозможное в систему, сейчас не мог оторваться от пустого экрана.

Доктор Элена Варгас стояла у центрального ядра и смотрела на биометрические следы архива.

— На кадре перед обрывом есть изменение давления внутри шлема, — сказала она. — Они действительно готовились открыть защитный контур.

Мартин выдохнул.

— То есть они собирались снять шлемы.

— Да.

— В базе на древней Земле.

— Да.

— И мы сейчас должны увидеть, как выглядят существа, построившие корабль?

Варгас посмотрела на него.

— Если архив восстановит фрагмент.

Эстебан Альварес говорил по связи из командного центра базы.

Его голос был жёстким, но в нём слышалось напряжение.

— Состояние группы?

Риверо ответил:

— Физически стабильно. Психологически — перегрузка.

Мартин тихо сказал:

— Спасибо за дипломатичность.

Президент Фернандес подключился почти сразу.

— Продолжать воспроизведение возможно?

София проверила центральное ядро.

— Да. Но я не управляю самим фрагментом. Система вос-

становливают его последовательно.

— Опасность?

Доктор Варгас ответила:

— Биологической опасности нет. Это архивная запись. Но психологическое воздействие может быть серьёзным.

Президент сделал паузу.

— Мы уже прошли точку, где можно было не смотреть.

Никто не возразил.

Потому что это была правда.

Они могли бы остановить запись.

Могли бы приказать группе покинуть сердце корабля.

Могли бы отложить просмотр на завтра.

Но тайна уже стояла перед ними.

Не за стеной.

Не под землёй.

Не в древнем металле.

А на расстоянии одного кадра.

София тихо сказала:

— Центральное ядро снова активируется.

Галозэкрэн вспыхнул.

Сначала — шум.

Линии.

Световые помехи.

Потом снова появился тот же модуль базы.

Прозрачная стена.

За ней — озеро.

Вечерний свет.

Древний лес.

Два высоких существа у внутреннего шлюза.

Запись вернулась на несколько секунд назад.

Первый пришелец стоял перед панелью.

Второй контролировал показатели.

Голос прозвучал снова.

Не командный.

Тише.

Ближе.

Похожий на разговор.

София прошептала:

— Стабилизация лучше.

Марк не отрывал глаз от экрана.

— Сейчас.

Первый пришелец поднял руки к шлему.

Движение было медленным.

Осторожным.

Он не спешил.

Пальцы коснулись прозрачного защитного контура.

Свет по краю шлема дрогнул.

Линия герметизации начала расходиться.

Не резко.

Не механически.

Мягко.

Как будто материал раскрывался по слою света.

Лаура перестала дышать.

Мартин молчал.

София замерла над сканером.

Даже Риверо опустил оружие чуть ниже.

Контур шлема разошёлся.

Изображение дрогнуло.

На мгновение показались только свет, тень и очертание
ГОЛОВЫ.

Потом архив стабилизировался.

И впервые люди увидели лицо.

Не силуэт.

Не контур.

Не отражение.

Лицо.

Высокое.

Пропорциональное.

Слишком знакомое.

Лоб.

Скулы.

Нос.

Губы.

Подбородок.

Глаза.

Всё было настолько близким, что разум отказался прини-

мать слово “пришелец”.

Если бы не рост.

Не контекст.

Не корабль.

Не меловая Земля за прозрачной стеной.

Это лицо можно было бы увидеть на улице современного города.

Кожа была светлой.

Не серебристой.

Не синей.

Не чужой.

Обычной.

Земной на вид.

Волосы — очень короткие или плотно убранные назад, тёмно-русые или светло-коричневые; запись искажала оттенок.

Глаза — светлые.

И в них было то, что ударило сильнее формы черепа.

Выражение.

Осторожность.

Волнение.

Живое ожидание перед первым вдохом чужого мира.

Доктор Варгас закрыла рот рукой.

Марк не произнёс ни слова.

Мартин сделал шаг назад.

— Нет...

Это было не отрицание.

Это была попытка удержать разум от падения в бездну.

Первый пришелец вдохнул.

Медленно.

Глубоко.

Земной воздух вошёл в его лёгкие.

Он задержал дыхание на секунду.

Потом выдохнул.

На лице появилось выражение, которое любой человек понял бы без перевода.

Удивление.

Облегчение.

Почти улыбка.

Он сказал короткую фразу.

Мягкую.

Другую, чем командные голосовые линии.

Личную.

Второй пришелец смотрел на показатели.

Потом тоже поднял руки к шлему.

Когда второй снял шлем, зал будто перестал существовать.

Перед ними появилось ещё одно лицо.

Такое же узнаваемое.

Но другое.

Кожа была тёмной.

Глубокого тёплого оттенка.

Черты — естественные, живые, невозможные в этом месте и в этом времени.

Глаза тёмные.

Волосы чёрные или очень тёмные, собранные плотно у головы.

Он — или она, команда ещё не могла уверенно определить — сделал первый вдох древней Земли так же осторожно.

Не как существо в смертельно опасной атмосфере.

А как человек, который выходит на высокую гору, к морю, в лес после долгого пути.

Вдох.

Пауза.

Выдох.

Потом короткий взгляд на первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.